

Монстр

Автор:

Лена Обухова

Монстр

Елена Александровна Обухова

В мире, где технологии соперничают с магией, Нелл выпало узнать, что значит любить без ответа и потерять, не успев сказать главных слов. И вот судьба дарит ей второй шанс: тот, кого она похоронила два года назад, внезапно возвращается в ее жизнь. Однако возможность все исправить и добиться личного счастья оборачивается тайнами, ложью и смертельной опасностью. Во что превратился любимый? Можно ли ему помочь? Или за хорошо знакомым лицом прячется монстр, жаждущий ее смерти?

Лена Обухова

Монстр

Глава 1

Мне часто снится этот сон.

Я снова прихожу на второе собеседование в Корпус Либертад. Я молода, амбициозна и слишком большого мнения о себе. Немного раздражена из-за того, что Корпус сам пригласил меня, неизвестно где раздобыв резюме, поскольку работу я на тот момент не искала, а теперь гоняет по собеседованиям. Сначала с кадровиком, теперь – со старшим следователем группы, в которую меня должны

взять. Обещают еще одно – с директором направления. Вместе с тем я испытываю легкое возбуждение от перспективы стать частью одной из самых загадочных и могущественных организаций Дарконской Федерации.

Я сижу в скромной переговорной на троих, на столе передо мной стоит чашка кофе, заботливо поданная секретарем, а старший следователь опаздывает уже на десять минут. В абсолютной тишине я разглядываю скучные стены, гадая, стоит ли проявить характер и уйти, когда истекут пятнадцать минут – допустимое правилами приличия опоздание.

Во сне часть меня уже знает, что произойдет дальше. Эта часть ждет того момента, когда откроется дверь и моя жизнь разделится на «до» и «после».

«До» я была уверена, что любовь – это всего лишь гормоны. Я считала, что слабые коленки, дрожь внутри, затрудненное дыхание и неумение сформулировать мысль в присутствии объекта страсти – удел глупых куриц, не знающих себе цену. Я и само существование страсти ставила под сомнение, предполагая, что так люди оправдывают совершенные ошибки. Я никогда не теряла голову, подходя к кавалерам с трезвым расчетом. Тот приводил мою маму в уныние.

«После» я считала себя дурочкой, ничего не понимавшей раньше. Никогда не любившей. Наверное, так и получается, когда впервые влюбляешься в двадцать пять. Впервые испытываешь и трепет, и восторг, и страх, и отчаяние. Начинаешь сомневаться в себе, в собственной привлекательности, теряешь голову и путаешь слова.

– Лионелла Донован, – тихо, но очень внятно читает с листа мой интервьюер. Ему уже хорошо за тридцать, у него очень красивые светло-серые глаза и абсолютно черные волосы, короткая стрижка, подтянутая фигура и военная выправка. Форма старшего следователя сидит на нем идеально. – Лионелла... Необычное имя.

В своем сне я раз за разом краснею, когда слышу это, как и было в реальности. Мне мое имя всегда нравилось, но в тот момент я испытала неловкость из-за того, что оно у меня такое необычное. Я помню, как испугалась, что из-за него меня могут не взять. Я и так была слишком молода и не очень-то походила на аналитика, на должность которого меня собирались взять. Разве блондинки

бывают аналитиками?

Во сне мой будущий шеф – Маркус Фрост – смотрит на меня и задает какие-то вопросы, но я их не слышу. В реальности я была слишком потрясена им, поэтому ничего не запомнила: ни о чем он спрашивал, ни что я отвечала, краснея и заикаясь как школьница.

Я силюсь предупредить об опасности, грозившей ему, но не могу. Я не помню слов, не знаю, как это сказать и как объяснить. А он все что-то говорит и говорит, его тихий вкрадчивый голос обволакивает меня. Маркус Фрост словно залезает мне под кожу, опутывает тонкой нитью паутины, навсегда замыкает на себя, чтобы я никогда не смогла посмотреть ни на кого другого. Так не бывает, скажете вы? Я тоже так думала.

В реальности мы проработали вместе около года. Я научилась не заикаться в его присутствии, стала приносить пользу и вскоре добилась того, что шеф начал ценить меня как профессионала. К сожалению, он совершенно не замечал меня как женщину.

Маркус был дружелюбным и приветливым, всегда демонстрировал готовность прийти на помощь подчиненным: выслушать их проблему, понять ее и решить или хотя бы объяснить, как решать. Он помнил все дни рождения и всегда находил несколько добрых слов, когда мы в них нуждались. Когда мы подводили его, он нас прощал, перед руководством всегда брал ответственность за наши ошибки на себя, а нас только просил больше так не делать. Все тем же тихим и спокойным голосом, который пробирался мне под кожу и вызывал волну мурашек каждый раз, когда я его слышала. Каждый из нас в такой момент был готов умереть на месте, только бы больше его не подвести. И мы не подводили. Скажете, таких начальников не бывает? Я тоже так думала.

Мы были друзьями. Точнее... я пыталась быть его другом. Несмотря на всю свою доброжелательность, он оставался очень закрытым человеком. Даже те, кто работал с ним давно, не знали, чем он живет и от чего бежит. Ходили слухи о какой-то темной истории, связанной с магами, из-за которой он ушел из армии и пошел работать в Корпус Либертад, но никто не знал подробностей. Сам он не рассказывал, а на осторожные вопросы или отвечал молчанием, или искусно менял тему. Несколько раз я пробовала проникнуть за стену холодного вежливого отчуждения, окружавшую его, но только однажды мне это почти удалось.

Заканчивался последний месяц зимы. Работы, как и всегда, было много, людей – слишком мало, а бюрократические заморочки съедали половину рабочего времени. Однако мне удалось выбить неделю отпуска, и в последний рабочий день я задержалась допоздна, твердо решив, что подчищу все бумажные «хвосты» сегодня.

К тому моменту, когда мне это удалось, общественный транспорт уже закончил работу, собственной машины у меня еще не было, поэтому я вызвала такси. Пока ждала его, решила посетить офисную кухню и выпить чашку кофе. Порой некоторые из нас практически жили в штаб-квартире Корпуса, поэтому здесь имелось все необходимое: кухня, душевые, даже несколько спален, похожих на номера в очень аскетичной гостинице.

В ту ночь штаб-квартира была почти пуста. Несколько человек находились на посту охраны, может быть, кто-то еще сидел в лабораториях, кабинетах и ритуальных залах, а на кухне в тот момент оказался только он, мой шеф, старший следователь Маркус Фрост.

Он сидел, развалившись в кресле за дальним столиком у огромного окна во всю стену, и задумчиво смотрел на свое отражение в темном стекле. Кажется, я впервые видела его без кителя, с расстегнутыми верхними пуговицами белоснежной форменной рубашки. Следователи относились к военизированной части Корпуса и носили форму, близкую по виду к армейской, хотя сам по себе Корпус оставался независим от Армии Федерации.

Для всех всегда оставалось загадкой, как Фросту удастся выглядеть идеально каждый день в любой ситуации. Даже когда мы проводили расследования в глуши и были на ногах сутками, его рубашка казалась свежей, а форма, застегнутая на все пуговицы, никогда не мялась. Он всегда был гладко выбрит, пострижен, причесан «по уставу» и источал тонкий ненавязчивый аромат хорошего мужского парфюма.

Именно поэтому я очень удивилась, увидев его без кителя, в расстегнутой сверху рубашке, с чуть взъерошенными волосами и легкой тенью щетины на подбородке. Он выглядел уставшим и очень грустным. Даже не будь я аналитиком, догадалась бы: случилось что-то плохое.

– Разве ты не должна быть в отпуске? – поинтересовался Маркус, заметив меня. Несмотря на состояние, он нашел силы на небольшую улыбку и доброжелательный тон.

– Можешь считать, что я уже в нем, – улыбнулась я в ответ. – Решила разорить Корпус на чашку кофе перед уходом, после чего неделю не хочу никого из вас видеть.

Я сказала это легким шутливым тоном, естественно, не имея в виду его самого, поскольку больше всего на свете я хотела бы видеть его каждый день: первым делом утром и последним делом перед сном.

Он улыбнулся, на мгновение отведя взгляд в сторону, и я вдруг поняла, что он прекрасно знает об этом моем желании, просто старается не показывать вида. Все эти месяцы он упрямо игнорировал мои попытки флиртовать с ним, но ни разу откровенно не велел прекратить. Щадил мою гордость, должно быть. Поэтому со временем я прекратила сама, решив, что я не в его вкусе. Или он уже с кем-то, или категорически против романов на рабочем месте, или просто не замечает.

Маркус посмотрел на часы, покачал головой и предложил:

– Давай я лучше сделаю тебе чай. Поухаживаю за тобой напоследок.

Он тяжело поднялся на ноги, словно на плечи ему давила гранитная плита весом в тонну, но оказался у кухонных шкафчиков первым, включая вместо кофемашины чайник.

– Спасибо, – поблагодарила я, садясь без приглашения за тот же столик, за которым сидел он. На правах коллеги я легко могла себе это позволить.

– Куда-то уезжаешь? – спросил Маркус, ставя передо мной чашку ароматного черного чая с мятой и без сахара.

Он всегда помнил, кто и как в его группе предпочитает пить чай и кофе. Как он это делал, я до сих пор не знаю.

– Да, решила навестить подругу. Она недавно вышла замуж и уехала в Верту. Теперь тоскует там одна, без друзей, поэтому зовет в гости.

– В Верту? – удивился Маркус. – Променяла мир технологий на мир магии? Как непатриотично.

В его тоне слышалась ирония, но я все равно слегка напряглась. Дарконская Федерация не так давно обрела независимость от магов, на государственном уровне постоянно шли разговоры о важности сохранения нашего «особого» пути. Даже на тех, кто просто посещал территории магов, смотрели порой косо. В связи с этим я нервничала перед предстоящей поездкой, но не навестить лучшую подругу не могла.

– Полагаю, она не думала о патриотизме. Просто выбирала любимого мужчину.

– Неудачно выбрала? Раз тоскует?

Обычно Маркус не имел привычки задавать так много вопросов, если только разговор не касался работы. Разговоры на личные темы он лишь поддерживал, но никогда не инициировал и не развивал. Сейчас же он с интересом смотрел на меня, сидя напротив, но уже прямо, а не развалившись.

– Да нет, вполне удачно. Но ей трудно адаптироваться к новой жизни. Как специалист она там не нужна, поэтому не работает. Ее муж – хороший человек, но очень занятой.

– Состоятельный?

– Вполне.

Маркус кивнул и потянулся к своей чашке, как будто не знал, о чем еще спросить, но та оказалась пуста. Поэтому он просто передвинул ее и снова посмотрел на меня.

– Отвезти тебя домой? Общественный транспорт уже не ходит.

– Я вызвала такси, – зачем-то честно призналась я, за что тут же себя возненавидела. Кто только тянул за язык?

– Ясно.

Казалось, его это огорчило. Я почти решилась сказать, что могу и отказаться от машины, возобновляя когда-то оставленные попытки флирта, но он уже задал новый вопрос:

– Давно хотел узнать: почему Лионелла? Необычное имя.

Я пожала плечами. Меня часто спрашивали, почему родители дали мне такое имя, но я не могла рассказать ничего интересного. Даже придумала несколько историй, но сейчас все они вылетели из головы: меня слишком удивил сам факт вопроса. Наверное, это был самый личный вопрос, который я или кто-либо еще из команды слышал от Маркуса.

– Просто моей маме нравилось это имя.

– Красивое имя. Подходит красивой девушке.

Он улыбнулся. Это уже походило на комплимент, и моя почти похороненная надежда вдруг конвульсивно задрогала ножкой. Неужели что-то сдвинулось с мертвой точки? Или просто ему сейчас так плохо, что он сам на себя не похож?

– У тебя все в порядке?

Возможно, это был не лучший ответ на комплимент, но меня вдруг сильно обеспокоили и его вид, и его тон, и его нетипичное поведение.

Он целую минуту молчал, глядя мне в глаза. Как будто желал что-то сказать, мысленно формулировал длинную речь, не зная, с чего лучше начать. Я терпеливо ждала ответа, выдерживая его взгляд, любясь почти прозрачными серыми радужками в обрамлении черных ресниц.

– Все хорошо, – наконец ответил Маркус, и голос его прозвучал тихо и глухо как никогда. Ложь была настолько явной и неприкрытой, что в ней отчетливо

слышалось: «Я не хочу с тобой об этом говорить».

Я набрала в легкие воздух, чтобы сказать что-то в ответ. Тишина и полумрак вокруг создавали иллюзию конца времени и мира, когда уже не страшно переступить черту и нарушать статус-кво. Его состояние давало мне надежду, что именно сегодня я смогу получить от него какой-то простой и понятный знак: есть ли мне на что надеяться.

Он не отводил от меня взгляд, как будто ждал ответа, ждал нового вопроса, повода поделиться с кем-то возникшей проблемой. Я почти физически ощущала, как сильно он хочет о чем-то мне рассказать. Стена холодного отчуждения впервые дрогнула и показала мне едва заметную дверь, через которую можно за нее проникнуть. Мне оставалось лишь протянуть руку и толкнуть эту дверь, впервые оказаться по другую сторону стены и увидеть, что же она все это время скрывала. Или просто обороняла?

Сигнал мобильного телефона в одно мгновение разрушил красоту и интимность момента. Маркус откинулся на спинку кресла и отвернулся, а я ответила оператору службы такси: тот сообщил о приезде машины. Я поблагодарила, мысленно проклиная ни в чем не повинную женщину, и пообещала выйти через минуту. Потом посмотрела на Маркуса, на свою наполовину полную чашку, не зная, что делать.

– Иди, я уберу, – заверил он, снова улыбаясь отстраненно-вежливо. – Хорошо тебе отдохнуть. Увидимся через неделю.

– Спасибо, увидимся.

Момент был упущен, но я испытывала странный подъем, пересекая пустой холл на первом этаже. Мне казалось, что знак мне все-таки подали, и через неделю, когда я вернусь, уже ничто не будет прежним. И только в этом я не ошиблась.

Вернувшись из отпуска, я узнала, что Маркуса больше нет. Его не стало ровно через неделю после нашего разговора, в такую же ночь накануне выходных. Я долго не могла в это поверить. Наверное, так и не смогла, хотя прошло два года. Мне все время снится этот сон, в котором я встречаю его в первый раз. Я хочу предупредить его об опасности, но не помню нужных слов, а просыпаясь, плачу от бессилия, невозможности что-либо изменить.

Больше никогда я не испытывала трепета внутри и слабости в коленях. Мое сердце стучит ровно, а каждый новый кавалер всегда недостаточно хорош. Я все еще чувствую тонкие нити паутины, опутавшие меня в день второго собеседования в Корпусе. Я знаю, что больше никогда и никого не смогу так любить. Я не могу его забыть. Не могу объяснить телу, сердцу и мозгу, что его больше нет и надежды тоже нет.

Вы скажете: так нельзя. Скажете: надо жить дальше. Скажете, что нельзя жить прошлым, потому что оно никогда не вернется. Прошрое нельзя изменить, нельзя исправить его ошибки, а те, кого мы потеряли, больше никогда не войдут в открывшуюся дверь.

Я тоже так думала.

Глава 2

Меня вытащили из постели посреди ночи. Голос Антуана Траута, директора направления, звучал в трубке довольно встревоженно. Я удивленно посмотрела на часы, которые показывали начало четвертого, протерла глаза, но так и не смогла понять, почему мне звонит сам директор и почему просит приехать. Причем приехать мне предстояло не в штаб-квартиру, а по какому-то совсем незнакомому адресу. Судя по всему, это было где-то за городом. Обычно расследования не начинались так внезапно. Да и точкой сбора всегда была штаб-квартира Корпуса.

– Да, Антуан, конечно, я скоро приеду, – пообещала я, так толком и не проснувшись.

Нажав «отбой», я еще пару минут неподвижно сидела в темноте, закрыв глаза и борясь с желанием снова лечь. Буквально накануне моя группа вернулась с расследования на юге страны. Дело было серьезное. Один из жителей небольшого сельского поселка решил, что сеять и собирать урожай – это слишком сложно. Поскольку в его роду имелись одаренные маги, он попробовал этим воспользоваться: насылал всякую дрянь на соседей и вынуждал идти к нему же за помощью.

Пока мы в этом разобрались и вычислили его, успело случиться много разных неприятностей. Торопясь остановить несчастья, наша группа работала почти круглосуточно. После урезания финансирования количество вспомогательного персонала резко сократилось, поэтому следователям, экспертам и аналитикам чаще приходилось принимать участие в нудном наблюдении, в том числе по ночам. Вернувшись домой, я рассчитывала хотя бы на неделю спокойной работы в обычном офисном режиме, но что-то пошло не так.

Оставалось радоваться тому, что жила я одна и мне не пришлось никому объяснять, куда я собралась посреди ночи и зачем. Впрочем, собственное одиночество вообще редко меня расстраивало.

Я не стала тратить время и силы на долгие сборы. Натянув плотные повседневные брюки и первый попавшийся под руку свитер, я перелила кофе в термокружку, влезла в кроссовки, валявшиеся посреди прихожей еще с последней перед командировкой вечерней пробежки, собрала длинные светлые волосы в высокий хвост и, натянув короткую кожаную куртку, спустилась во двор.

На улице было тихо, темно и чрезмерно свежо, как бывает в столице только на окраине ранним утром в начале весны. Прохладный воздух бодрил, поэтому к тому моменту, когда я нырнула в приятно пахнущий салон совсем новенькой машины, я смогла сбросить с себя вязкую паутину сонливости. Глоток кофе и ожившая вместе с двигателем музыка заставили улыбнуться. Поймав собственное отражение в зеркале заднего вида, я с удовлетворением отметила, что даже без макияжа и прически, с недосыпом и своими «без малого тридцать» я все равно выглядела довольно мило этим безбожно ранним утром. Это подняло мне настроение, и, скользя по почти пустым улицам в вишнево-красном седане, я принялась подпевать магнитоле.

Пользуясь ранним утром и отсутствием пробок, навигатор, в который я забила присланный Антуаном адрес, повел меня через центр города. Невысокие длинные дома, окруженные большими дворами, сменились устремляющимися вверх небоскребами. Среди них еще сохранились единичные старинные дома, построенные во времена доминирования магов. Это смешение старого и нового с постепенным исчезновением старого прекрасно отражало положение дел в Дарконской Федерации: новый порядок шаг за шагом вытеснял старый.

Постепенно небоскребы и вычурные строения центра снова сменились более скучной архитектурой окраины, а потом – небольшими частными домами пригорода. За границей столичного города Даркона пока еще широкое шоссе оказалось совсем пустым. Вскоре мне пришлось свернуть с него на более узкую дорогу. Здесь лес подступал к асфальту с обеих сторон, а фонарей почти не было, поэтому предрассветную мглу рассеивал лишь свет фар.

Повернув еще раз, я попала на проселочную дорогу, которая через несколько минут привела меня к огромному трехэтажному загородному дому, стилизованному «под старину» и обнесенному высоким забором. Большие кованые ворота были распахнуты, поэтому я без труда въехала на внутреннюю территорию. Здесь уже толпились, сверкая яркими сигнальными огнями на крышах, машины Корпуса Гражданского Правопорядка и медицинской помощи. Рядом стояли хорошо знакомые черные массивные вседорожники Корпуса Либертад.

Я припарковалась рядом с коллегами и вылезла из машины. Тревога, зародившаяся в сердце, когда раздался ночной звонок, теперь нарастала с каждым всполохом сигнальных огней. Небо уже начало светлеть, но на земле еще царила темнота.

Первым меня встретил Давид Грегсон, руководитель службы безопасности Корпуса. Так мы деликатно называли нашу собственную маленькую армию, занимавшуюся «зачисткой» подозрительных мест и сопровождавшую группы на выезде. Когда были основания подозревать, что мы можем столкнуться с опасными существами. Такое чаще всего происходило в приграничных районах.

Давид, суровый молчаливый мужчина лет пятидесяти, прошлом служил и в армии, и в Корпусе Гражданского Правопорядка. Его часто выдергивали из офиса «в поле», когда возникали вопросы с юрисдикциями, потому что он умел разговаривать с представителями других контор на их языке.

– Доброе утро, – я улыбнулась, как делала всегда, хотя он почти никогда не отвечал тем же. Впрочем, все знали, что Давид – хороший человек, преданный коллегам и интересам Корпуса.

– Траут уже ждет тебя, – вместо приветствия бросил он и махнул рукой, предлагая следовать за ним.

Я поежилась от порыва холодного ветра и торопливо засемила следом, настороженно оглядываясь по сторонам. У крыльца дома обнаружилась небольшая группа магов. Судя по мантиям, одаренных, а не обученных. Обученные маги предпочитали носить обычную одежду. Сердце снова непроизвольно сжалось в нехорошем предчувствии. Одаренных магов в Федерации осталось мало. И хотя в Корпусе имелся целый магический департамент, всех его сотрудников я знала в лицо. Эти маги были мне незнакомы. Корпус сотрудничал еще только с боевыми наемниками.

Что же здесь происходит, если потребовалась наша служба безопасности, КГП[1 - Корпус Гражданского Правопорядка (местный аналог полиции).] и наемники из боевых магов?

На входе в дом мы едва не столкнулись с двумя безопасниками, выносящими мешок с телом. Судя по размеру мешка и форме содержимого, лежал в нем не человек. Я снова зябко поежилась, хотя ветра больше не было.

– Ящерицы, – лаконично пояснил Давид, заметив, что я застыла на месте, провожая взглядом мешок. – Хамелеоны, если быть точным. Когда же мы уже очистим наши земли от этой дряни?

Я нахмурилась, посмотрев на него. Хамелеоны? В особняке рядом со столицей? Нет, на границе с Вертой или Свободными землями Темных нарваться на гнездо хамелеонов – ящериц-оборотней, умеющих принимать человеческий облик, – вполне возможно. Но здесь? Как они могли добраться сюда незамеченными? Даже в человеческом облики их вычисляли довольно быстро.

Давид ничего не стал объяснять. Только кивнул, напоминая, что нас ждут.

Антуана мы нашли в гостиной на первом этаже. Рядом с ним стоял Берт Рейдер – мой коллега, нынешний шеф и лучший друг по совместительству. Выглядел он таким же взъерошенным, как и я. Видимо, его тоже недавно поднимали с постели. Формы старшего следователя на нем не было, значит, он считался не при исполнении. Тогда что он здесь делал?

Заметив меня, Антуан попытался изобразить улыбку, но она вышла вымученной. Директор всегда нравился мне. Когда-то и он был старшим следователем, Маркус начинал работу в Корпусе в его группе. Они всегда были очень дружны,

невзирая на то, что Антуан разменял седьмой десяток еще до того, как я пришла в Корпус. Примерно тогда же он стал директором нашего направления – исследований случаев магического злоупотребления.

– Здравствуйте, Антуан. – Мне улыбка пока давалась лучше, хотя с каждой минутой сохранять хладнокровие становилось все труднее. Что-то явно было не так. – Что случилось?

– Привет. Прости, что так выдернул тебя, но ситуация чрезвычайная. Ты помнишь Карину Рантор?

– Смутно. Она работала в генетической лаборатории, когда я пришла, но мы редко пересекались. И ее, насколько я знаю, давно уволили. А что?

– Это ее дом. По крайней мере, записан он на нее. И, судя по всему, у нее тут была лаборатория, в которой работали и ученые, и маги. Она держала охрану из хамелеонов, обычных наемников и парочки боевых магов из Верты, – выпалил Берт, решив не ходить вокруг да около.

– Пару дней назад в правопорядок поступило сообщение от жителя городка по соседству, – продолжил Антуан. – О подозрительном особняке. Те связались с нами. Сегодня мы пришли с проверкой, но нам было оказано сопротивление, пришлось провести тотальную зачистку.

– Вот только кто-то умудрился убить Рантор до прихода нашей службы безопасности, – снова подал голос Берт. – Ее удавили голыми руками.

Я переводила взгляд с одного на другого, мозг не поспевал за поступающей информацией. Но когда Антуан и Берт замолчали, мне потребовалось всего тридцать секунд на то, чтобы переварить услышанное.

– Она проводила какие-то незаконные эксперименты на стыке магии и генетики? Видимо, по чьему-то заказу, раз ей купили такую шикарную лабораторию и наняли такую мощную охрану. Осталось, кого допросить?

Они переглянулись. Что-то было такое в их взглядах, отчего у меня сразу пересохло во рту. Берт отвернулся, почесывая пятерней затылок и предоставляя

Антуану возможность самому все рассказать.

– Маги сбежали порталом, – издалека начал он. – Наемники оказались отчаянными, живым никто не сдался. Возможно, кто-то сбежал, искать мы будем, конечно. И мы, и КГП. С хамелеонами, сама понимаешь, договориться невозможно, поэтому их тоже всех пришлось уничтожить.

Закончив перечислять, кого допросить нельзя, директор снова замолчал, глядя на меня как-то странно. Мне кажется, за все годы нашего знакомства он не разглядывал меня так пристально, как сейчас.

– Антуан, не томите, – попросила я. – В чем дело? Кого вы взяли?

Я почему-то была уверена, что кого-то они все-таки задержали. И этот кто-то – очень важен. Для меня. Тут должно быть что-то очень личное, раз и директор, и нынешний старший следователь моей группы мялись как подростки на первом свидании.

Антуан снова обменялся быстрыми взглядами с Бертом и повернулся к Давиду, который все это время стоял чуть в стороне.

– Отведи ее.

Давид даже не кивнул в ответ, просто согласно моргнул и снова поманил за собой. Я оглянулась на Бerta, ловя его встревоженный взгляд. Однако он не пошел со мной, что было само по себе странно. Я некстати вспомнила Маркуса. Что бы ни было, а он бы точно пошел. И объяснил бы мне все прямо, глядя в глаза и не юля.

Давид остановился у двери, рядом с которой стояли двое безопасников и еще один боевой маг в традиционной мантии. Когда Давид вопросительно посмотрел на него, тот сдержанно заверил:

– Там безопасно. Можете войти.

Давид кивнул и толкнул дверь. Но не пошел сам, а сделал приглашающий жест, предлагая войти мне.

Я внезапно вспомнила расследование на заре моей карьеры в Корпусе. Это было дело серийного убийцы, который умудрялся проникать в любые помещения. За это его прозвали Дым. Наше расследование началось тогда, когда у него заподозрили наличие магических способностей. Я боялась его до ужаса, но мне так хотелось произвести впечатление на Маркуса, что я все равно пошла его допрашивать. Но перед тем, как войти в камеру, в которой мы должны были остаться наедине, я замерла на пороге. Ноги свело судорогой, я не могла сделать последний шаг. И только вопрос Маркуса, все ли в порядке, заставил меня этот шаг сделать.

Сейчас я испытывала нечто похожее. На пороге комнаты ноги снова свело, но любопытство оказалось сильнее страха.

Не знаю, что я ожидала увидеть. Но определенно не то, с чем столкнулась.

В небольшой комнате сидела девушка. Она улыбнулась, когда я вошла, и поприветствовала почти радостно:

– Привет, Ли!

Глава 3

За годы работы в Корпусе Либертад я усвоила одно: невозможного не существует.

С самого рождения я знала о существовании магии и видела чудеса, которые творят технологии, но все равно обывательская повседневная жизнь далека от настоящих чудес. Одаренных магов в Дарконе всегда было мало, а обученные не достигали каких-либо значимых высот. Это и делало город и земли, объединившиеся вокруг него, уязвимыми и зависимыми от соседей, где сильных магов рождалось много.

Еще до моего появления на свет образовалась Дарконская Федерация, сказавшая свое твердое «нет» потокам невидимой энергии и чудесам, создававшимся лишь избранными. Даркон провозгласил главенство технологий

еще полвека назад и за это время совершил небывалый в истории технологический рывок. То, что раньше было артефактами ручной работы, в каждый из которых маги вкладывали частичку недоступной простым смертным силы, прогресс позволил превратить в приборы и производить потоковым образом, сделав их дешевыми и доступными.

Конечно, наука и техника развивались и раньше, но маги как могли тормозили эти процессы, чтобы не потерять контроль. Когда мы пошли с ними на открытый конфликт, прогресс стал неотъемлемым условием нашего выживания, и это послужило небывалым стимулом. Мы научились получать энергию из недр и трансформировать ее, мы создали беспроводные средства связи и способы передавать информацию на огромные расстояния в секунды. Мы записываем звук и изображение и транслируем их в эфир. Мы создали оружие, которое почти не уступает силе боевых магов. Пока мы не научились делать все, что позволяет делать магия, но Корпус Либертад существует в том числе и для того, чтобы как можно скорее ликвидировать это отставание.

Либертад. Свобода. Свобода от прихотей судьбы и богов, которые наделяют людей магической силой случайным образом. Свобода от тех, кого природа сделала сильнее нас, от их произвола. Мы не стремимся их уничтожить, но хотим себя обезопасить. Мы создали законы, и теперь им подчиняются все. Кто был с ними не согласен – покинули Дарконские земли. Кто их нарушает, имеет дело с нами.

Корпус не ограничивается расследованием, преследованием и наказанием. Мы учимся. Учимся и у магов. Смотрим на то, что делают они, и ищем способ сделать это через достижения наук. Да, мы все еще догоняем, но однажды окажемся впереди.

Но в тот день, когда я вошла в похожую на небольшую библиотеку комнату в загородном особняке, я поняла, что этот момент еще не настал.

– Привет, Ли!

Меня прошиб холодный пот, голова слегка закружилась. С двенадцати лет никто ко мне так не обращался. В двенадцать я решила, что это имя слишком короткое и несерьезное. Выбрала вариант «Нелл» и приучила всех так себя называть. О том, что меня когда-то звали Ли, знали только родители и малочисленные

друзья детства.

И она. Девушка, похожая на меня как сестра-близнец. Почти. Лишь вытянутые вертикальные зрачки, выдающие в ней хамелеона, отличали ее. Да более короткая стрижка.

Это было невозможно. Хамелеоны умели принимать человеческий облик, но не облик конкретного человека! Как не обретали они в этот момент человеческий интеллект. И уж тем более они не могли обладать чужими воспоминаниями. Это. Было. Невозможно!

Но невозможного не существует.

И передо мной, связанная заклятием, сидела моя копия с вертикальными зрачками. Она знала не только мое детское имя. Она знала обо мне все. Помнила эпизоды моей жизни, которые я сама почти забыла.

Не знаю, откуда во мне взялись силы проговорить с ней целых пятнадцать минут. Наверное, первый шок заглушил все чувства, как порой глушатся болевые ощущения в экстренных ситуациях. И лишь через четверть часа осознание свалилось на меня гранитной плитой. Меня замутило, и я поспешно выскочила из комнаты, оборвав собеседницу на полуслове.

В коридоре я схватилась рукой за стену, стараясь дышать глубоко и размеренно. Услышала, как рядом хмыкнул боевой маг. Сочувствия в этом звуке не было ни грамма. Давид коснулся моего плеча и даже слегка погладил его. Неловко, неуверенно, но явно пытаюсь поддержать. Меня удивил этот жест.

– Ничего, Нелл, разберемся и в этом, – тихо пробормотал он.

Я кивнула, но глаза мои оставались закрыты до тех пор, пока я не услышала шаги за спиной: Антуан и Берт наконец решили к нам присоединиться. Директора интересовало, кем может быть девушка за дверью.

– У меня нет и никогда не было сестры. Ни близнеца, ни обычной.

Меня била нервная дрожь, слова из-за этого звучали нечетко.

– Я всегда была единственным ребенком в семье, – добавила я, видя, что Антуан продолжает смотреть на меня с сомнением.

– Может быть, у твоего отца были другие дети? – осторожно предположил Берт. – О которых ты не знаешь.

– Думаешь, он изменял маме с ящерицей? – Не знаю, откуда у меня взялись силы на сарказм. – В любом случае я похожа на маму. Если у отца и были побочные дети, то они не могут быть моей копией.

Антуан тоже похлопал меня по плечу, но этот утешающий жест получился менее выразительным, чем нежданная поддержка Давида.

– Тогда у вашей группы новое расследование, – заявил он и многозначительно посмотрел на Берта. – По правилам мне стоит поручить это другой группе, поскольку здесь эмоциональной вовлеченности не избежать, но... – Антуан снова перевел взгляд на меня. – Я понимаю, что мне все равно не удержать вас на дистанции от этого дела. Поэтому сделаем вид, что все по протоколу.

– Спасибо, – с чувством выдохнула я.

Вот за это мы и любили старика: за умение компромиссно относиться к протоколу.

– Тогда теперь ты здесь главный. – Антуан снова повернулся к Берту. – Начинайте первичный сбор информации. Жду отчет в пять.

С этими словами он повернулся и пошел прочь, а Берт начал раздавать указания: продолжать осмотр места и сбор улик, прочесывать окрестности вместе с КГП в поисках беглых наемников, объект доставить в штаб-квартиру, взять анализы и провести первичные исследования.

Я слушала его краем уха, глядя на дверь, за которой находился объект. Я знала процедуры и понимала, что Берт все говорит правильно, но все это означало несколько часов исследований. Несколько часов неизвестности.

– Надо показать ее Фраю.

Берт бросил на меня недовольный взгляд. Конечно. Не мне принимать такие решения, поэтому я тут же поправилась:

– Мне бы хотелось, чтобы ты дал ему взглянуть на нее. Он «прощупает» ее ауру за минуту и скажет, кто или что она. Пожалуйста! Это даст нам небольшую фору.

– Хорошо, – после небольшой паузы согласился Берт. – Но сама пойдешь к нему. Терпеть не могу ходить в магический департамент.

* * *

Не только Берт недолюбливал магический департамент Корпуса. Подозреваю, что сам департамент тоже нас недолюбливал, но мы с Фраем Орбом, одаренным магом примерно моего возраста, в какой-то степени дружили. Он носил круглые очки, был художав и subtilen, на тонкой шее сидела непропорционально крупная голова. Мантии он предпочитал облегающие брюки и длинные свитера крупной вязки. Порой он напоминал мне школьника-ботаника, которых любят гнобить в старших классах, но я сомневалась, что Фрая кто-нибудь когда-нибудь решался гнобить. За кажущейся беззащитностью скрывался огромный магический потенциал, поэтому он в своем юном для мага и для Корпуса возрасте руководил самыми смелыми и сложными экспериментами.

Фрай был натурой увлекающейся и мог проводить в лабораториях – хотя свои лаборатории маги предпочитали называть ритуальными залами – круглые сутки. Я очень надеялась, что он и сегодня окажется в штаб-квартире, несмотря на ранний час. И хотя бы в этом удача мне улыбнулась: я столкнулась с Фраем в коридоре первого этажа, еще даже не успев толком начать его искать.

Столкнулась в прямом смысле слова: мы вылетели друг на друга из-за угла. стакан с кофе в его руке попытался вырваться на свободу и упасть на пол, но Фрай сделал молниеносное движение ладонью – и мягкое синеватое свечение окутало стакан, заставив его повиснуть в воздухе. Левитация – полезный навык, которого мне порой в жизни не хватает. Благодаря пластиковой крышке, ни капли кофе не расплескалось, и Фрай остался в хорошем настроении. Впрочем, я никогда не видела его в плохом.

– Нелл, давненько ты к нам не заглядывала!

Он всегда радовался мне, как ребенок новогоднему подарку. Высокий голос в сочетании с забавной внешностью вызвал у меня непрощенную улыбку даже в такой непростой для меня ситуации.

– Хочешь покажу крутоту?

– Нет, Фрай, я по...

Но он, как всегда, не ждал ответа. И вообще едва ли действительно спрашивал, скорее таким образом презентовал свою «крутоту».

Фрай схватил меня за руку и потащил к одному из самых просторных ритуальных залов Корпуса, в котором работал всю ночь. И не он один. Еще три мага хмуро посмотрели на меня, когда мы вошли.

– Та-дам! – торжественно воскликнул Фрай и указал на нечто громоздкое, блестящее черной поверхностью и усыпанное странными символами, едва снова не выронив кофе.

Я на секунду забыла, зачем пришла. Посреди зала возвышалась... конструкция высотой метров в десять. Она состояла из трех одинаковых стрел из какого-то черного, отшлифованного до гладкости камня. Эти стрелы, составленные треугольным «шалашиком», устремлялись к потолку и перекрещивались где-то там, наверху. Как именно все это держалось, я не понимала, поэтому дух на мгновение захватило.

Три мага покрывали зеркальную поверхность заковыристыми символами своего тайного языка. Они просто проводили пальцем по гладкому камню – и его кончик оставлял неглубокую бороздку. Низ они таким образом уже расписали, и сейчас двое стояли на высоких стремянках, а третий и вовсе левитировал почти под самым потолком, окутанный тем же синеватым свечением.

– Боги милосердные, – выдохнула я, глядя на все это наверняка вылезающими из орбит глазами. – Что это такое?

– Арка.

– Какая еще арка?

– Не арка, а Арка! – поправил Фрай.

По его тону я поняла, что для него это Арка с большой буквы.

– Ты знаешь, Арка выглядит совсем не так, – поддела я.

– Это просто термин, – отмахнулся Фрай. – Близится схождение потоков, которое образует воронки...

– Эй! – окликнул его один из коллег. Тот, что возвышался на стремянке ближе к нам. – А у нее доступ есть?

– Да ладно, я же в общих чертах...

– Орб!

Маг выразительно посмотрел на него. Фрай закатил глаза и запрокинул голову как пятилетка, недовольный тем, что его уводят с игровой площадки, и виновато посмотрел на меня.

– В общем, это безумно крутой эксперимент, но безумно рискованный. Неприлично секретный. Мы тут днюем и ночуем, потому что наши аналитики никак не могут точно рассчитать начало схождения потоков... Как будто это вообще возможно рассчитать! – он заливисто рассмеялся. – Но будет обидно, если потоки сойдутся, а у нас ничего не будет готово, потому что, знаешь, следующий раз такие воронки будут образовываться в лучшем случае лет через десять. А то и через двадцать. А ты чего пришла-то?

Он так резко перешел от своего рассказа – в нем я, к слову сказать, ничего не поняла – к причине моего визита, что я не сразу успела переключиться и вспомнить, о чем хотела его попросить.

– Мы тут одну девушку нашли... Сейчас не хочу тебе ничего объяснять, будет проще, если ты сам увидишь ее, прощупаешь ауру и скажешь, кто она.

– А ты умеешь заинтриговать. – На его губах появилась улыбка, а на лице – предвкушение. – Покажи же мне ее скорее, затейница.

Мы вместе покинули часть офиса, которую занимал магический департамент, и поднялись на наш третий этаж. Фрай едва не подпрыгивал на ходу от нетерпения, то и дело косясь на меня, но вопросов не задавал. Меня же снова охватывала нервная дрожь по мере того, как мы приближались к палате временного содержания – небольшой комнате с одинокой кроватью и пустыми светлыми стенами.

– Обалдеть! Вот это крутота! – выдохнул Фрай, когда мы переступили ее порог.

Кажется, мне удалось удивить его почти так же сильно, как ему меня – гигантской черной Аркой, похожей на что угодно, только не на арку. Даже странно, что после стольких лет работы на Корпус мы все еще сохранили способность удивляться.

Незнакомка с моим лицом улыбнулась, когда вошла я, но тут же подозрительно нахмурилась, заметив Фрая.

– Зачем он здесь?

У нее был мой голос и даже мои интонации. Хорошо, что глаза отличались, иначе я бы уже сама начала сомневаться, кто из нас кто.

– Он просто посмотрит, – объяснила я, стараясь не встречаться с ней взглядом. – Просто скажет нам, кто ты.

– Я и сама тебе все расскажу. Просто поговори со мной. Пожалуйста.

Просительные нотки в ее голосе отзывались в моем сердце болезненными спазмами, но я старалась не поддаваться просыпающемуся сочувствию.

Фрай тем временем обошел объект, пытаясь зайти ей за спину. Однако здесь девушка не была связана никакими заклятиями, поскольку находилась под замком и под наблюдением, поэтому она повернулась, приняв странную позу, словно собиралась прыгнуть на Фрая в любой момент. Мне даже показалось, что она приглушенно зашипела.

– Ух, какая, – пробормотал Фрай, довольно улыбаясь. – Хорошо, давай общаться лицом к лицу.

Он поднял руки, направляя раскрытые ладони к девушке. Та оскалилась, но не шелохнулась. Возможно, Фрай сам немного «связал» ее, чтобы она не дернулась. Некоторое время лицо его выражало сосредоточенность, но меньше, чем через минуту, на нем появилось удивление.

Фрай опустил руки, посмотрел на меня и выдохнул всего два слова:

– Это химера.

Глава 4

– Она гибрид.

Слова коллеги Маль Фостер еще звучали в ушах, когда поздним вечером я вернулась домой. Невысокая и на вид хрупкая, но на самом деле гибкая и сильная, как я убедилась за годы совместной работы, девушка-каори заведовала у нас медицинскими вопросами. Она пришла к этому выводу после пяти часов исследований.

– Она наполовину хамелеон, в стадии обращения. Но на вторую половину она... – Темные, миндалевидные глаза на чуть смуглом лице посмотрели на меня через стол. – Ты.

Я тяжело сглотнула, а Фрай, присутствовавший на совещании, поскольку я успела втянуть его в наше дело, заметил, повернувшись к Маль:

– Я же так и сказал. Просто мы называем их химерами: существ, созданных из других. Точнее, называли, пока заклятие Химеры не было утеряно вместе с ритуалом, в результате которого происходило объединение организмов. Теперь это легенды.

– Похоже, кто-то отыскал то, что вы потеряли, и вернул легенду к жизни... – С этими словами Берт выложил на стол переговорной небольшой планшет. – Мы нашли эти записи в доме Карины Рантор. Все пока изучить не удалось, поскольку там месяцы видеороликов и аудиозаписей, много текстовых документов и зашифрованных файлов. Но кое-что уже понятно. Проект, над которым работала Рантор, назывался «Ангел». Найденную в ее доме девушку она звала Ангелиной или просто Линой.

– И в чем суть проекта? – с явным любопытством поинтересовался Фрай, глядя на меня.

Конечно, записи с планшета Берт поручил изучить мне, в этом и состояла моя работа: собирать и изучать информацию, делать из нее выводы. И именно из-за меня мы не успели продвинуться далеко: вместо того чтобы быстро «перекапывать» файлы, как обычно, я подолгу «зависала» на просмотрах некоторых, следя за своим двойником. За тем, как она говорила, что и как делала.

– В создании суперсолдата и супершпиона. Ангелина – это сочетание не внушающей опасений внешности, незаурядного ума... Простите, если это прозвучало нескромно. И невероятной силы. За последнее, очевидно, отвечает природа хамелеона. Как и ящерицы, она почти неуязвима, ее регенеративные способности даже выше, чем у них. И еще... она безжалостна.

Я медленно выдохнула, вспоминая запись, с которой почерпнула большую часть озвученной информации. Рантор называла ее «третьей фазой эксперимента», а со стороны это выглядело как бой без правил: девушка-гибрид против одного из наемных охранников. Ангелина была безоружна, у ее противника имелся нож.

Здоровенный парень, на голову ее выше и раза в полтора шире в плечах, поначалу был уверен в собственных силах и позволил себе несколько провокационных комментариев: от них даже у меня вскипела кровь. Несколько раз ему удалось достать Ангелину ножом, но раны затянулись в считанные

секунды, даже кровь толком побежать не успела. Когда противник оказался несколько обескуражен происходящим, Ангелина без труда сначала обезоружила его, а потом и обездвижила. На записи было слышно, как Рантор скомандовала: «Хватит». Только Ангелина не послушалась. Она что-то прошептала бугаю, после чего резким движением свернула ему шею.

– Да, судя по всему, свою создательницу она же сама и убила, – согласилась с моим последним утверждением Маль.

Вообще-то у нее было еще более необычное имя, чем у меня – Малифисент. Распространенное среди каори, земли которых вошли в состав Федерации уже на моем веку, но редкое в наших краях. Каори пока предпочитали держаться на своих территориях. Но Малифисент осталась сиротой, ее еще малышкой удочерил сотрудник Корпуса. Так она и оказалась в столице.

– На шее Рантор мы нашли ДНК гибрида, – пояснила она свое предположение.

– Другими словами, она – монстр, – резюмировал Антуан.

Вопреки своему заверению, он не дождался отчета Берта в пять и пожелал лично присутствовать на нашем совещании в три.

Услышав это, я непроизвольно стиснула зубы. С монстрами, как мы называли опасных существ с низким или отсутствующим интеллектом, в Корпусе Либертад разговор был коротким: изучение и уничтожение. И хотя умом я понимала, что Ангелина опасна, эмоционально не могла смириться с тем, что девушку с моими воспоминаниями и лицом просто казнят.

У моих коллег тоже нашлись возражения.

– Все не так просто, Антуан, – первым заговорил Берт.

К совещанию он успел облачиться в форму и привести себя в порядок и теперь походил на того старшего следователя, которого мы привыкли видеть: высокий и подтянутый, с темными волосами с сединой, хотя Берт не исполнилось еще и сорока пяти. Он не мог похвастаться военной выправкой, какая была у Маркуса, но форма военизированного сотрудника Корпуса все равно безумно ему шла,

превращая из мужчины с довольно заурядной внешностью в настоящего красавчика.

– Ты сам слышал Нелл: Ангелина обладает незаурядным интеллектом. Ее интеллектом. – Он кивнул на меня. – И что еще хуже: ее воспоминаниями. Мы не можем применить к ней стандартные процедуры. Она разумна. Она личность. Причем личность нам хорошо знакомая.

– Кстати, а почему так? – Антуан обвел нас всех пытливым взглядом. – Я понимаю, зачем Рантор внешность и разум Нелл, но воспоминания? Разве чистый лист не был бы для нее предпочтительней?

– Может, и был бы, – согласилась я. – Но судя по тем записям, что я успела изучить, перенос воспоминаний стал для Рантор сюрпризом...

– Это потому, что кто-то берется творить чудо, толком не изучив матчасть, – Фрай фыркнул и выразительно закатил глаза. – Это магия крови, детки, а кровь – это нечто большее, чем ваши тромбоциты с лейкоцитами, на которые вы так стараетесь ее разобрать. Кровь – это эссенция жизни, к крови привязывается ваша базовая энергия. Дух, если хотите.

Антуан с полминуты сверлил его взглядом и наконец спросил:

– Объясни внятно, как вообще все это возможно?

Фрай заметно смутился, что мне доводилось видеть нечасто.

– Внятно – едва ли получится, потому что я точно не знаю, как это было сделано. Вам надо искать рецепт в записях Рантор. Но я могу предположить, что она каким-то образом восстановила или где-то нашла утерянные ритуал и заклятие. Додумалась, что с его помощью можно скрестить не только льва, козу и змею. Возможно, она что-то в нем доработала, потому что Ангелина выглядит просто как Нелл, а не как хамелеон с головой Нелл. К тому же за все время она ни разу не перекинулась обратно в ящерицу, из чего я делаю вывод, что она не может этого сделать. Скорее всего, это выглядело так: Рантор взяла женскую особь хамелеона, заставила ее перекинуться в человека и смогла зафиксировать ее в этом состоянии. Скорее всего, помогла ваша генетическая ересь. Потом провела доработанный ритуал с использованием заклятия Химеры, в котором

использовала кровь Нелл. Много крови. Таким образом она создала копию с ее мозгами, но не учла того, что в комплекте последовала частичка Нелл в виде личности и воспоминаний.

Берт выразительно посмотрел на меня. Его взгляд как бы говорил: «Теперь понимаешь, почему я не люблю магический департамент?» Даже те маги, что остались жить и работать в Дарконе, относились к ученым, науке и технологиям без должного уважения.

– Зачем ей вообще понадобилась внешность Нелл? – задалась вопросом Маль. – Могла бы просто найти хамелеона посимпатичнее.

– Дело не во внешности, – уверенно заявил Фрай. – Дело в интеллекте. Понимаете, превращаясь в человека, интеллектуально хамелеон остается ящерицей. Даже на то, чтобы научить его говорить, уйдут года, и ничего может не получиться. Вот она и взяла биоматериал умненькой и красивенькой коллеги. Благо все сотрудники Корпуса регулярно сдают кровь как для исследований, так и на случай потребности в донорском переливании. Одна беда: глазки не удалось спрятать. У хамелеонов в обращении они всегда остаются.

– Есть еще одна проблема, и нам придется считаться с ней. – Маль подалась вперед, вместе с тем садясь в своем кресле прямее.

И следующие ее слова тоже до сих пор звучали в ушах, причиняя почти физическую боль. Они кололись в черепной коробке, как клубок иголок. Сейчас, когда я сидела в темной безжизненной машине во дворе собственного дома, не чувствуя сил выйти и подняться в квартиру, мне пришлось активно потрясти головой и помассировать виски, прогоняя воспоминания и мысли, которые они за собой тянули. Завтра, все завтра. Нужен отдых и здоровый сон, поскольку без них ситуация выглядела патовой. Казалось, что со звонка Антуана, прозвучавшего посреди ночи, прошла целая жизнь. На меня навалилась соразмерная этому ощущению усталость.

Хоть и с трудом, но я заставила себя выйти из машины. Наконец оказавшись в квартире, почувствовала великий соблазн не включать нигде свет, не переодеваться, не ужинать и не умываться, а просто пройти сразу в спальню и завалиться в кровать.

Остановил приглушенный шум в гостиной: как будто едва слышно прочертил ножками по полу выдвинутый стул. Я напряглась, торопливо включила свет в прихожей и сразу в коридоре, ведущим в гостиную.

Правила личной безопасности велели в таких случаях покинуть квартиру и вызвать наряд КГП. Проверять квартиру самостоятельно категорически запрещалось, но, конечно, все всегда сами ее проверяли. Потому что выглядеть глупо из-за открытого балкона или окна, в которое влетела птица или влезла кошка, никому не хотелось.

Вот и я осторожно шагнула вперед, вглядываясь в полутьму и пытаюсь рассмотреть что-нибудь. Когда в гостиной на фоне окна нарисовался мужской силуэт, сердце подпрыгнуло к горлу, мешая закричать во всю силу легких. Я дернулась, собираясь мгновенно отступить к двери и сбежать, но меня остановил приказ:

– Стой, Нелл. Не пугайся. Это я.

Я замерла как вкопанная. Незванный и неожиданный гость говорил совсем тихо, но я узнала бы его голос из тысячи. Ниточки паутины, когда-то опутавшей меня, напряглись, заставляя снова обернуться. В темноте я не могла разглядеть лицо мужчины, но этого и не требовалось. Я все равно была на сто процентов уверена, что передо мной стоит Маркус Фрост.

Глава 5

Самое страшное в смерти Маркуса – то, что его убили. И то, как его убили.

В тот вечер, как и за неделю до него, когда я отрабатывала последний день перед отпуском, он снова задержался в штаб-квартире. Кроме ночной охраны, в здании оставались еще только несколько магов, в том числе Фрай. Но они все находились в своем департаменте, в другой части здания.

Как внутрь проник неизвестный, несмотря на все системы защиты и контроля за входами и выходами, расследование не выявило. Ни наше, ни Корпуса

Гражданского Правопорядка. Незвестный смог не только проникнуть на территорию Корпуса Либертад, но и подключиться к системе видеонаблюдения, послав на мониторы в комнате охраны закольцованное изображение. Сами камеры продолжали снимать и записывать, поэтому момент убийства Маркуса оказался запечатлен во всей красе.

В роковой для него час он находился на девятом, предпоследнем, этаже штаб-квартиры Корпуса. На нем преимущественно располагались медицинские, биологические и генетические лаборатории. Что Маркус там делал, тоже осталось тайной. Камеры записали, как в последние минуты жизни он работал за одним из компьютеров генетической лаборатории.

Остальное я знала со слов Берта, поскольку моего доступа к результатам нашего расследования не хватало, а КГП считал необходимым посвящать в детали и результаты только родственников, к коим я не относилась. Берт однажды имел неосторожность напиться в моей компании. Тогда и рассказал, как все было.

Убийца, чье лицо не попало ни на одну из камер, проник на этаж, на котором работал Маркус. Тот его увидел, они даже обменялись парой фраз, но поскольку звук камеры не записывали, содержание их разговора было неизвестно. Потом мужчина – о нем наверняка знали только пол – достал пистолет и сделал два выстрела. Одна пуля попала Маркусу в грудь, другая – в живот. Он упал, но убийца вопреки ожиданиям не сделал последний выстрел в голову, чтобы оборвать его жизнь. Он лишь достал из внутреннего кармана куртки какое-то устройство, поставил на стол и включил таймер. А потом ушел.

– Устройство отсчитывало пять минут до взрыва, – говорил Берт, пустыми глазами глядя на бутылку водки, стоявшую на столе перед ним. – Пять минут смертельно раненный Маркус пытался добраться до него. Не знаю зачем, он бы все равно его не обезвредил. Просто он был таким: до последнего надо пытаться что-то сделать.

Взрывом тогда полностью уничтожило генетическую лабораторию, серьезно пострадали десятый и восьмой этажи, в здание долго никого не пускали из-за угрозы обрушения, но со временем все восстановили.

Похороны я почти не запомнила, слишком нереальным тогда казалось происходящее. Я не понимала, на каком свете сама нахожусь. Все выглядело странным, неправильным. Грудь сдавливало, я совсем не могла дышать, даже плакать больше не могла. И почти ничего не видела вокруг. Но я запомнила, что хоронили закрытый гроб. И даже тогда я подозревала, что в нем нет тела. Ходили слухи, что останков Маркуса обнаружить не удалось.

Может быть, именно поэтому я так долго не могла поверить в то, что его больше нет? И именно поэтому никак не могла перевернуть эту страницу своей жизни?

– Он что-то нашел, – бормотал пьяный Берт, когда его потянуло на откровенность. – Поэтому его и убили. Он ведь не первый раз задерживался в штаб-квартире, возможно, не первый раз ковырялся в компьютерах генетиков. Искал то, что они не сохраняли на сетевые диски. Думаю, он что-то нашел. И его решили убрать. А вместе с ним подчистили все, чтобы во время расследования ничего не нашли. Все взорвать – и концы в воду.

Я слушала и не знала, как относиться к его версии. Они с Маркусом были хорошими друзьями. Настолько близкими, насколько это возможно. Берт работал в Корпусе гораздо дольше, к тому же был лет на пять старше. Он давно мечтал о должности старшего следователя, но стоило ему приблизиться к этой мечте, как в Корпусе появился Маркус, и вскоре должность отдали ему. Не знаю, как это отразилось на их отношениях тогда. Когда я пришла в группу, они дружили. Правда, Берт продолжал грезить о должности старшего следователя. И все-таки получил ее. После гибели Маркуса. Возможно, Маркус делился с ним какими-то подозрениями, но почему тогда официальное расследование так и не докопалось ни до какой сути?

– Там было что-то еще... – сказал Берт в самом конце разговора. – Зачем камеры все-таки вырубили?

Я вопросительно посмотрела на него, и он уточнил:

– Запись. Секунд за тридцать до взрыва... Ее все-таки отключили.

Тогда я не придавала этому значения, но сейчас, стоя на пороге гостиной, на границе света, зажженного в коридоре, и темноты, царящей в комнате, я смотрела на мужской силуэт, выделяющийся на фоне окна, и мой мозг цеплялся

именно за эту деталь. Тридцать секунд до взрыва, в которые в лаборатории происходило нечто, оставшееся тайной.

Не знаю, как долго мы стояли друг напротив друга в молчании. Я не решалась зажечь свет, поэтому Маркус сам щелкнул выключателем на другой стороне комнаты.

Я непроизвольно задержала дыхание, глядя в прозрачно-серые глаза в обрамлении очень черных ресниц. Только теперь я поняла, что не включала свет, потому что боялась увидеть вытянутый зрачок.

У него заметно отросли волосы, подбородок и щеки покрывала многодневная щетина, казалось, что мятые брюки и рубашку он только что с кого-то снял, но улыбался Маркус точно так же, как делал это три года назад в маленькой переговорной со скучными белыми стенами: доброжелательно, сдержанно и чуть отстраненно.

– Здравствуй, Нелл.

Забыв о том, что между нами всегда существовала дистанция, я в два шага преодолела разделявшее нас расстояние и заключила Маркуса в объятия. Он обнял меня в ответ и тихо рассмеялся, щекоча шею горячим дыханием.

– Я знал, что ты будешь рада меня видеть, – почти прошептал он. – И я рад. Если бы ты знала, как мне тебя не хватало все это время...

В его голосе прозвучало что-то такое, что заставило армию мурашек совершить марш-бросок по моей спине. Я отстранилась, чтобы снова посмотреть на его лицо. Неужели тогда, два года назад, в нашу последнюю встречу, мне не показалось?

– Где же ты был все это время? – сквозь неизвестно откуда взявшиеся слезы спросила я, окончательно забывая обо всех границах и касаясь кончиками пальцев его заросшей щетиной щеки.

– Это очень длинная история. – Маркус мягко, но настойчиво высвободился из моих объятий, на мгновение сжав руку в своей. – А у нас мало времени. Вы

узнали о проекте «Ангел», и теперь вам всем грозит такая же опасность, как и мне.

В голове толпилось столько разных мыслей, вопросов и слов, что я не могла выбрать, с чего начать, и только бессмысленно хватала ртом воздух. Это заставило Маркуса снова улыбнуться.

– Заваришь нам чай? – спросил он с едва заметной насмешкой в голосе. – А я тебе расскажу короткую версию для начала.

Я кивнула, чувствуя благодарность за то, что он сориентировал меня, дав задание. Такая простая и понятная вещь, как приготовление чая, помогла мне успокоиться и снова почувствовать связь с реальностью.

Хотя сидящий на моей кухне лохматый и небрежный Маркус Фрост едва ли мог считаться нормальной частью реальности. Но тем легче я воспринимала его не менее фантастический рассказ.

– Проект начался еще два с лишним года назад. Я узнал о нем примерно за месяц до того, как в меня стреляли. К тому моменту Рантор создала первую химеру, но она... через какое-то время оказалась неуправляема.

– И что с ней стало? – опасливо поинтересовалась я, ставя на стол две чашки.

– А что обычно происходит с неудачным результатом эксперимента? – не глядя на меня ответил Маркус, беря в руки заварочный чайник и разливая по чашкам чай. – Ее утилизировали.

– Это тоже была... я? – слова застревали в горле, но я заставила себя задать этот вопрос.

Маркус покачал головой.

– Нет, Лина – версия 2.0, так сказать. Вариант улучшенный и дополненный. Для первой версии Рантор брала другого человека, но та личность не оправдала ее ожиданий. Видимо. И она выбрала тебя.

– Но почему именно меня?

Маркус пожал плечами, машинально почесывая заросший подбородок.

– Честно говоря, не знаю. Возможно, она питала к тебе какую-то симпатию или, наоборот, антипатию. Или твои личностные характеристики оказались наиболее подходящими. Может, определяющей стала комбинация факторов. Или это лишь стечение обстоятельств, и на твоём месте могла оказаться любая. Насколько я понимаю, теперь мы уже не узнаем?

Он посмотрел на меня вопросительно, и я почему-то отвела взгляд, как будто чего-то устыдившись. Но ведь не я убила Рантор, а мой двойник!

– Она меняется, – тихо заметил Маркус. – Лина. В ней становится все меньше тебя и все больше этой твари – хамелеона. Происходит то, что случилось с версией 1.0. Только на полтора года позже. Интеллект, который ей достался от тебя, уступает инстинктам хищника.

– Значит, со временем она станет обычным монстром?

– Если мы это не остановим.

Я едва на обожглась чаем.

– Каким образом?

– Рантор нашла магический способ подавить растущее доминирование хамелеона. Для проведения ритуала ей уже не хватало только крови, требовался оригинальный организм. Ты. Но она понимала, что похищать тебя – опасно и накладно. Поэтому собиралась перейти к новой версии. Версии 3.0. Подозреваю, что Лина все поняла. И именно это спровоцировало убийство. Рантор не учла, что Лину так просто утилизировать не получится. Возможно, вторжение Корпуса позволило Лине убить создательницу до того, как та уничтожит ее. Там ведь наверняка поднялась суматоха.

Я поставила чашку на стол и закрыла лицо руками. Голова шла кругом от информации. Мозг разрывало от потрясений, входных данных и возникающих

вопросов. Эмоции тоже бушевали, и я не знала, чего хочу больше: разреваться или истерично рассмеяться.

– Откуда ты все знаешь? Где был все это время? Как вообще выжил? И почему не дал о себе знать? Мы же... – Мой голос сорвался, заставив меня на мгновение замолчать. Но только на мгновение. – Мы похоронили тебя, Маркус. Я похоронила тебя. Ты можешь себе представить, как мне было больно? Как больно было Берту? Всем нам!

Лицо Маркуса помрачнело. Он надолго замолчал, о чем-то задумавшись, потом тяжело сглотнул и внезапно протянул руку, снова сжал мою. Раньше он редко позволял себе прикасаться ко мне.

– Я все понимаю, Нелл, но поверь, мне было хуже. Потому что вы потеряли только меня, а я потерял всех вас. Последние годы наша команда была моей семьей. Но я подставился сам, едва не погиб. Я не мог подставить еще и вас. Не хотел никем рисковать. Мне помогал один человек. Точнее, маг. Он вытащил меня, спас мне жизнь. Спрятал. Помог снова встать на ноги. Но даже он предпочел пойти своим путем, когда я решил продолжить расследование. А мне необходимо выяснить, кто стоит за проектом «Ангел». Не только потому, что существа, подобные Ангелине, угрожают безопасности Дарконской Федерации. А потому что эти эксперименты бесчеловечны. Их нужно прекратить.

С этим я определенно была согласна, но что-то все равно смущало.

– Тебе удалось что-то узнать о заказчиках эксперимента? Кто его финансировал?

Маркус покачал головой, сокрушенно вздохнув и откинувшись на спинку стула.

– Увы. Следы теряются в недрах Корпуса Либертад. Вероятнее всего, в нем остался тот, кто работал с Рантор до ее увольнения и продолжил сотрудничать после. И именно этот человек... или маг связывал ее с заказчиком.

– Тогда почему ты пришел сейчас?

Вопрос занозой сидел в голове. Желание Маркуса оградить нас от опасности было понятным и естественным, оно абсолютно вписывалось в его характер.

Если у него имелся напарник из магов – возможно, помогал кто-то из магического департамента Корпуса – то его действительно могли за тридцать секунд перенести порталом в другое место. Туда, где ему оказали помощь. Я даже понимала, почему после покушения маг самоустранился, зная, что Маркус никогда его не выдаст, никому не назовет имя.

Но было совершенно непонятно, почему Маркус, так ничего и не найдя, вдруг появился в моем доме. Из всех нас – именно у меня, а не у того же Антуана, если он хотел предупредить об опасности. Это не вписывалось в схему.

– Потому что хочу помочь Лине.

Ответ прозвучал, как и должен был: просто и прямо. Маркус никогда не юлил. Я лишь вопросительно приподняла брови, предлагая продолжить.

– Ее можно спасти. Если провести ритуал. Она останется человеком. Настолько, насколько возможно. Не потребуется... «утилизация». Ее не придется уничтожать. Но времени мало. Необходимо сделать это до того, как человеческая половина будет подавлена хамелеоном. Тогда действительно останется только монстр.

– Ты так беспокоишься о ней...

Я недовольно поморщилась, услышав в собственном тоне слишком явную, неприкрытую ревность. Маркус только тепло улыбнулся.

– Честно говоря, я всегда был привязан к ее прототипу. Она ведь в какой-то степени ты. У нее твои воспоминания до того дня, как у тебя взяли донорскую кровь два года назад. Попробуй представить себя на ее месте. Ее два года держали взаперти, изучали, относились как к вещи, а она помнит, как была тобой. Помнит, как была человеком, как была свободной. У нее твои мысли и твои мечты. Твои чувства. Я вижу в ней тебя. Поэтому хочу помочь. Разве ты этого не хочешь?

Когда он задал вопрос, мир неожиданно обрел прежние очертания, все встало на свои места. Раздирающая голову боль унялась, а по груди разлилось приятное тепло.

– Да, – призналась я в том, чего стыдилась уже несколько часов. – Я хочу ей помочь.

Глава 6

Маркус, конечно, остался на ночь. Лишь деликатно уточнил, не создаст ли это проблем. Я заверила, что не создаст. И либо у меня на почве сумасшедшей радости разыгралось воображение, либо он действительно выдохнул с облегчением.

В другой ситуации я, наверное, не смогла бы сомкнуть глаз всю ночь, думая о том, что он спит за стенкой на диване в гостиной. Но в ту ночь была слишком измотана, а потому провалилась в сон без сновидений, едва моя голова коснулась подушки.

Судя по тому, как с утра болели шея и плечо, за ночь я ни разу не изменила позу. А заодно не услышала будильник, потому что проснулась от солнечных лучей, бьющих мне в глаза. Накануне я совершенно забыла зашторить окно.

Кое-что еще заставило меня мгновенно проснуться: звуки и запахи. Приглушенно работал телевизор на кухне, шуршала в ванной стиральная машина, на кухне кто-то гремел посудой. По квартире плыл аромат жареного теста с примесью ванили и корицы. Все это было настолько ненормально, что я резко приподнялась, вскочила с кровати, на ходу натягивая поверх майки на тонких бретельках плотную клетчатую рубашку.

Посудой на кухне гремел, конечно, Маркус. Он же жарил ароматные оладьи, одним глазом поглядывая в экран небольшого телевизора, висевшего на стене. Серьезный диктор с мрачным видом делился со зрителями последними новостями. Стиральная машинка в ванной, судя по всему, трудилась над рубашкой моего незваного, но такого желанного гостя, поскольку по моей кухне он разгуливал в одних только брюках.

Последнее обстоятельство заставило меня растерянно остановиться на пороге кухни. Телевизор висел на противоположной стене, Маркус стоял спиной ко

входу, поэтому я не попадала в его поле зрения. Это позволило несколько секунд беспардонно подглядывать за ним.

Полуголый Маркус Фрост готовил на моей кухне завтрак. Это было похоже на сон, такие я тоже время от времени видела, и на мгновение стало страшно. Вдруг я действительно сплю? Через секунду проснусь и пойму, что все осталось по-прежнему, что его, как и раньше, нет в живых...

От этой мысли к горлу подкатил огромный ком. Глаза защипало, я обняла себя за плечи и прислонилась к дверному косяку, стараясь не шуметь, даже не шевелиться лишний раз. Чтобы случайно не проснуться и сполна насладиться моментом. Запомнить его в мельчайших деталях.

То ли я все-таки чем-то себя выдала, то ли Маркус почувствовал мой взгляд спиной, но он вдруг обернулся. На его по-прежнему небритом лице появилась смущенная улыбка.

– Доброе утро. Наконец-то ты проснулась. Я не знал, что лучше: разбудить тебя или дать выспаться. Решил пока приготовить завтрак. Любишь оладьи?

– Люблю, – не стала отпираться я, улыбаясь в ответ и начиная верить в то, что не сплю. Не бывает настолько реалистичных снов. – Не знала, что ты умеешь их готовить. Что ты вообще умеешь готовить.

Маркус только хмыкнул, быстрым движением снимая со сковороды уже готовую партию небольших, но очень пухлых и румяных оладушек.

– Я старый холостяк, – объяснил он, ставя сковороду обратно на плиту и осторожно наливая ложкой новые порции теста. – Пришлось научиться. К тому же у меня два высших образования и ученая степень. Я в состоянии отмерить сухую смесь, разбавить водой и пожарить по инструкции на упаковке, что стоит у тебя в шкафу.

Маркус подхватил тарелку с готовыми оладьями и поставил на стол. При этом он повернулся ко мне другим боком, и мой взгляд зацепился за причудливую татуировку на плече. Я увидела ее мельком и плохо разобрала сплетение линий, уверенно разглядев только скрещенные кинжалы. Подобные татуировки обычно набивают в армии, у Маркуса она, скорее всего, тоже осталась с тех времен.

– Садись? – предложил он, заметив, что я продолжаю нерешительно топтаться на пороге собственной кухни. – И прости, что я в таком виде. Рубашка давно требовала стирки, а другой одежды у меня с собой нет.

Я лишь отмахнулась, давая понять, что меня его вид не смущает. Он меня действительно не смущал. Скорее, волновал. В одежде Маркус не выглядел сильно развитым физически, но оказалось, что под одеждой он скрывал очень даже рельефное тело. В сочетании с двумя высшими образованиями, ученой степенью и оладьями на завтрак это выглядело дьявольски привлекательно.

– Я быстро умоюсь и вернусь. С меня кофе, – пообещала я, поспешно ретируюсь из кухни.

Мне требовалась минутная передышка, иначе я рисковала потерять голову и наброситься на него с поцелуями и никому не нужными признаниями.

Когда я вернулась, вторая партия оладий уже тоже перекочевала на тарелку. Как и обещала, я приготовила кофе. То есть нажала на пару кнопок на кофемашине.

– Какой у нас план? – осторожно поинтересовалась я, немного утолив голод. Накануне я толком не ела – кусок в горло не лез, а сегодня аппетит наконец вернулся. – Ты поедешь со мной в штаб-квартиру?

Маркус заметно переменился в лице, забывая о наколотом на вилку кусочке оладьи.

– Честно говоря, Нелл, я не планирую воскресать. Да и лучше бы тебе вывезти Лину оттуда, а ритуал провести на нейтральной территории.

Я нахмурилась. В голове снова что-то зазудело, как заноза в пальце. Услышать подобное предложение от Маркуса – странно.

– Как ты себе это представляешь? Она под охраной, у меня нет права. Почему не сделать все в ритуальном зале при содействии наших магов?

Он недовольно поморщился.

– Ты же знаешь нашу волокиту. Протоколы безопасности, будь они неладны. Антуан может вообще заблокировать ритуал, посчитав его слишком опасным. Или нецелесообразным. Для него Лина всего лишь монстр. Или они с высшим руководством могут неделями обсуждать, взвешивать «за» и «против», согласовывать и решать. А счет идет на дни, если не на часы. Мы точно не знаем, в какой момент изменения станут необратимыми.

С этим трудно было поспорить. Внутренние протоколы безопасности могли стать серьезным препятствием. Но «похищать» Лину из Корпуса Либертад я не собиралась. Хотя бы потому, что затея в любом случае была обречена на провал.

Имелось еще одно обстоятельство, о котором я так и не сказала Маркусу накануне. То самое, с которым, по словам Маль Фостер, нам всем предстояло считаться.

– Думаю, Антуан поймет и не станет возражать, – заверила я, потянувшись за чашкой. И малодушно стараясь не смотреть Маркусу в глаза. Почему я снова испытывала неловкость из-за того, что касалось моего двойника?

Я чувствовала, как Маркус пытливо смотрит на меня, не отрываясь и недоверчиво щурясь.

– Чего ты мне не говоришь, Нелл? – наконец напрямую спросил он. – Мы оба знаем: принятый порядок диктует Антуану изучить Лину и уничтожить. Почему ты думаешь, что он поступит иначе?

– Потому что мы оба знаем: Антуан умеет закрывать глаза на порядок, когда ситуация требует.

– А ситуация требует? Я имею в виду, в его глазах.

– Лина беременна, – вместо ответа выпалила я и осторожно посмотрела на него. Тот удивленно приподнял брови. – Ты не знал об этом?

Он медленно покачал головой.

– Нет, настолько близко к проекту я не смог подобраться.

Маркус откинулся на спинку стула и потер руками лицо, шумно выдыхая.

– Это все усложняет.

И мне опять пришлось согласиться. Как будто мало мне было «злобного двойника». Этот двойник еще и собирался стать матерью.

– Как ты думаешь, это тоже часть эксперимента? Если Рантор собиралась Лину утилизировать, то зачем эта беременность? Маль говорит, срок примерно тринадцать недель, до родов далеко.

Он пожал плечами, снова подаваясь вперед.

– Может быть, она просто проверяла напоследок, может ли Лина забеременеть от человека? Все-таки технически она другой биологический вид. Или это вообще случайность. Следствие... недопустимого поведения кого-то из охранников. Всякое могло быть.

Я вспомнила бугая, с которым Лина дралась, его грязные комментарии в ее адрес. Не потому ли она так безжалостно с ним обошлась? Потому что кто-то другой – а, может быть, и он сам – уже воплотил в жизнь некоторые из угроз? Я снова обхватила себя руками, стараясь справиться с ознобом, прокатившимся по телу. Все это было по-настоящему отвратительно.

– Как бы там ни было, а беременность Лины сильно повлияла на Антуана, – продолжила я свою мысль. – Мне кажется, он не станет отвергать этот шанс. Если ты не хочешь посвящать остальных в то, что жив, я могу сделать вид, что нашла описание ритуала в документах Рантор. Я все равно с ними работаю. И он наверняка где-то там.

Маркус все еще смотрел на меня с сомнением, но явно не находил аргументов для возражений.

– Послушай, так правильнее, – подстегнула я. – И проще. Да и мне спокойнее, если все будет происходить под присмотром нашей группы и магов Корпуса. Если что-то пойдет не так, они смогут помочь.

Маркус медленно кивнул и подарил мне еще одну скупую улыбку.

– Ты права. Просто за эти два года... я разучился доверять людям. Даже нашей команде.

– Я никому тебя не выдам.

– Ты единственная, в ком я не сомневаюсь.

По выражению его лица я поняла, что Маркус действительно всегда знал о моих чувствах к нему. Но сейчас меня это не смутило.

– Перешлешь мне файл с описанием ритуала?

– Конечно. Но я поеду с тобой. Хочу быть поблизости и оставаться в курсе происходящего. Даже если для этого мне все-таки придется официально воскреснуть.

Глава 7

В штаб-квартиру мы поехали вместе, но на территорию Корпуса я провозила Маркуса контрабандой. К счастью, машины сотрудников практически никогда не досматривали, поэтому ему было достаточно спрятаться на заднем сидении. Мы оба понимали, что если уж и воскресать, то делать это стоит осторожно и постепенно. Сначала ограничить круг посвященных Антуаном и Бертом.

– Подождешь здесь? – уточнила я, заняв обычное место на подземной парковке.

Маркус кивнул. Я отдала ему ключи от машины, чтобы не запирает внутри, а сама вышла и, глубоко вдохнув, направилась к лифтам.

Наш план был прост: для всех я «нахожу» ритуал среди записей Рантор, но Берту и Антуану рассказываю правду. Только им мы полностью доверяли, и они могли организовать все так, чтобы Маркус находился рядом во время

проведения ритуала, не привлекая к себе лишнего внимания.

Опоздание на два с лишним часа ни у кого не могло вызвать вопросов. Наш рабочий день считался ненормированным, а накануне Берт, выгоняя меня из кабинета, сам велел не возвращаться, пока не выплусь. Поэтому объясняться ни с кем не требовалось, и я могла сразу пойти к Фраю, но вместо этого решила заглянуть к Ангелине.

Я собиралась поговорить с ней более спокойно еще накануне, но Берт запретил, сказав, что к стадии интервью переходить рано. Он хотел сначала лучше понять, какая она и на что способна. Я малодушно согласилась, поскольку морально не чувствовала себя готовой к разговору.

А сегодня утром, по дороге в штаб-квартиру, я все думала о том, что сказал мне Маркус. Пыталась представить, как чувствовала бы себя, если бы однажды проснулась не в своей квартире, а в запертой комнате, в лаборатории, лишенная собственной жизни и каких-либо прав. От этой мысли в животе завязывался тугой узел, меня скручивало как в лихорадке. И желание помочь Лине выбраться из западни и получить шанс на нормальную жизнь неумолимо росло во мне.

Когда я вошла в ее палату, она нервно мерила помещение шагами, но, заметив меня, остановилась и неуверенно улыбнулась.

– Ты пришла.

Лина то ли просто констатировала факт, то ли не до конца верила своим глазам. Вытянутые вертикальные зрачки заставили меня непроизвольно вздрогнуть: я успела про них забыть.

– Я зашла пожелать тебе доброго утра.

Мне хотелось сказать это спокойно, ободряюще, но голос прозвучал хрипло и немного грубо. Я откашлялась и добавила мягче:

– И заверить, что мы сделаем все, чтобы тебе помочь.

– Вы отпустите меня? Когда вы меня выпустите? – быстро спросила Лина, сделав шаг ко мне.

Я инстинктивно отшатнулась, вспоминая, как она свернула шею охраннику. Ее глаза недобро сощурились.

– Ты боишься меня? Почему ты меня боишься? Ты же знаешь меня. Знаешь лучше, чем кто-либо. Как я тебя.

В ее голосе переплетались разные эмоции. Удивление. Обида. Злость.

– Мы обязательно поможем тебе, Лина, обещаю, – повторила я. – Но потребуется время. Ты ведь понимаешь?

– Донован! – Раздался из динамика под потолком недовольный голос Берта. – Немедленно выйди оттуда. Ты мне срочно нужна.

– Нет, подожди! Не уходи! – потребовала Лина, когда я отступила к двери. – Пожалуйста, останься. Давай поговорим. Я тебе все расскажу. Все, что вам нужно знать.

– Донован!

Я бессильно развела руками и показала на динамик, давая ей понять, что вынуждена подчиниться.

– Мы обязательно поговорим, Лина. Только чуть позже, слышишь? Сейчас немного разберемся в происходящем и поговорим. Обещаю.

Ее лицо исказила гримаса недовольства, она снова шагнула ко мне, как будто собиралась удержать силой, но я оказалась проворней: выскочила за дверь и захлопнула ее за собой.

Лина ударила по ней с другой стороны кулаками. Ее лицо появилось в маленьком окошке, через которое можно было заглянуть внутрь. Ноздри раздувались, губы кривились в зверином оскале, глаза ящерицы сверкали гневом. Она еще раз ударила кулаками по двери, сверля взглядом. От него мороз бежал по коже.

Кто-то дернул меня за руку, поворачивая на сто восемьдесят градусов.

– Что ты творишь, Нелл?

Лицо Берта выглядело почти так же свирепо, как и лицо Лины, но я понимала, что его гримаса продиктована страхом за меня, а не ненавистью.

– Я же велел пока не ходить к ней!

– Я просто хотела поздороваться, начать налаживать контакт, – объяснила я, выдергивая руку из его хватки. – Еще немного подержим ее в неведении и изоляции – и доверительные отношения построить будет невозможно. А она может знать что-то полезное.

Берт покачал головой, шумно выдыхая. Он смотрел на меня как-то странно. Я даже подумала, что он уже знает о Маркусе и ждет, когда я скажу. И, наверное, момент был подходящий, но меня что-то остановило. Некое предчувствие.

Слова Берта вскоре объяснили его странный взгляд:

– Ты копировала куда-нибудь изъятые в доме Рантор материалы? Я имею в виду, помимо личного рабочего компьютера и сетевых дисков Корпуса?

Правила безопасности это запрещали, но иногда мы так делали, когда хотели изучить какие-то материалы дома. Накануне я, конечно, была не в том состоянии, чтобы что-то выносить или изучать перед сном.

– Нет. Почему ты спрашиваешь?

Берт потер лоб. Несмотря на первую половину дня, он выглядел уже очень уставшим, как будто то ли не уходил домой, то ли просто не имел возможности выспаться сегодня, как я.

– Все исчезло.

Мне показалось, что я ослышалась.

– То есть как?

– А вот так! – Он нервно всплеснул руками. – Физические носители из нашего кабинета пропали. Все, что мы скопировали на диски, подтерто. У нас ничего нет. Ничего!

Я недоверчиво смотрела на него. Похоже Маркус прав: у Рантор в Корпусе остался сообщник. Потому что никто извне не смог бы так быстро добраться до материалов. Судя по растерянному выражению лица Берта, следов этот кто-то не оставил. А значит, он хорошо знает нашу систему безопасности и понимает, как ее обмануть.

Как знал тот, кто стрелял в Маркуса два года назад.

– Похоже, у нас завелась крыса, – приглушенно заметил Берт. – Теперь у нее... – Он кивнул на дверь, в окошке которой все еще маячило мое собственное злое лицо. – Осталось не так много вариантов. Если у нас дыра в безопасности, никто не станет сохранять жизнь потенциально опасному существу. Нелл, мы ничего не можем для нее сделать.

Я упрямо помотала головой.

– Нет, кое-что мы можем.

Берт жаждал подробностей, но я потянула его за собой, безапелляционно заявив, что сначала необходимо поговорить с Фраем. Его это не обрадовало, но он послушно пошел за мной.

Фрай обнаружился все в том же ритуальном зале: вместе с тремя коллегами он продолжал покрывать тайными письменами арку. То есть, Арку. То, что я снова пришла отвлечь его на свои дела, другим магам заметно не понравилось. Однако сам Фрай с готовностью уединился с нами в небольшой переговорной по соседству с залом.

– Прости, что дергаю, я знаю, у тебя важный эксперимент...

Он махнул рукой, прерывая поток извинений.

– Со схождением потоков по-прежнему ничего неясно, – с кислым выражением лица сообщил он. – Судя по всему, кто-то здорово ошибся в расчетах в самом начале. И теперь непонятно: то ли оно прошло полгода назад, то ли его ждать полгода... Что у вас там?

Я протянула планшет, на который Маркус переслал файл с описанием ритуала. Это были фотографии трех страниц набросанного кем-то рукописного текста и схем, начерченных также от руки.

– Взгляни. Этот ритуал должен каким-то образом повлиять на химеру, стабилизировать ее человеческую половину. Что думаешь?

Фрай сосредоточенно всмотрелся в слова и стрелочки, означающие направления потоков энергий, а Берт недоверчиво покосился на меня.

– Ты же сказала, что ничего не выносила. Откуда это у тебя?

– Долгая история, – попыталась вывернуться я.

Подготовленная легенда теперь и правда выглядела бы странно, а рассказывать о Маркусе при Фрае мне не хотелось. Не то чтобы я ему не доверяла... Хотя, положив руку на сердце, я действительно доверяла ему значительно меньше, чем Берту или Антуану. Или даже Маль и Давиду, хотя с ними общалась гораздо меньше. Просто он был магом, а не обычным человеком.

– Тогда найди сегодня время мне ее рассказать, – строго велел Берт, давая понять, что не отстанет, пока я все не объясню.

Я пообещала ему взглядом, что мы поговорим позже.

– Если я вам мешаю, я могу выйти, – не отрывая взгляд от планшета, предложил Фрай.

Он на нас даже не смотрел, но и так все понял по тону. Мне стало неловко: обычно я старалась не демонстрировать предвзятости. Однако Фрай бросил на нас быстрый насмешливый взгляд и махнул рукой, давая понять, что не обижается на наши секреты.

– Что ты скажешь о ритуале? – поспешила я сменить тему. – Это сработает? Это опасно?

– Может сработать. Здесь речь идет о делении базовой энергией. Той самой, что изначально использовалась для трансформации хамелеона в копию Нелл. Через ее кровь. Но хотя кровь и является носителем энергии, она остается отделенной частицей...

Наверное, наши с Бертом взгляды начали заметно опустошаться, потому что Фрай вдруг прервался и театрально закатил глаза, покачивая головой.

– Короче, из целой живой Нелл можно выкачать достаточное количество базовой энергии, чтобы наша химера стала преимущественно человеком. Она останется химерой, но, скорее всего, перестанет шипеть и скалить зубы.

– А что насчет опасности? – настороженно уточнил Берт. – Чем деление грозит Нелл?

Фрай пожал плечами.

– Это не более опасно, чем переливание крови. Теоретически, конечно, можно и угробить донора, если взять слишком много. Надо бы, конечно, проверить формулы, посчитать точнее, но... – Он снова взглянул на экран планшета. – Судя по приведенным здесь прикидкам, придется после ритуала дать Нелл отпуск. Длительный. Могу провести более подробные расчеты, смоделировать разные ситуации...

– Займись этим, – велел Берт.

– Если у тебя есть время, – вежливо добавила я.

Берт недовольно покосился на меня, зато Фрай улыбнулся. Перед тем, как кто-либо из нас успел сказать что-то еще, в коридорах взвыла тревожная сирена. Механический женский голос сообщил через динамики:

– Нарушение протокола безопасности: побег объекта. Дополнительная охрана требуется на третьем этаже. Всему персоналу: просьба оставаться на местах и

по возможности обезопасить помещения от проникновения. Объект опасен. В случае возникновения угрозы допускается ликвидация. Повторяю! Нарушение протокола безопасности: побег объекта...

Объявление пошло по кругу под громкие завывания сирены, от которых у меня кровь стыла в жилах.

– Да что за день такой? – проворчал Берт. – Нарушение безопасности... Да у нас, похоже, никакой безопасности не осталось!

И вопреки просьбе, обращенной ко всему персоналу, мы с ним оба побежали обратно на третий этаж, прекрасно понимая, что сбежал именно наш объект.

Глава 8

Когда мы вернулись на третий этаж, там уже было не протолкнуться от набежавших безопасников и охраны. У распахнутой двери палаты, в которой содержали Лину, засунув руки в карманы брюк, стоял мрачный Антуан. Заметив нас, он сразу сообщил, не тратя время на бессмысленные приветствия:

– Лина напала на охранников, когда ей принесли еду. Все видели, что она неспокойна, но никто не ожидал такого срыва. И силу ее тоже недооценили. С этажа она успела сбежать, но все выходы из здания перекрыты. Ее найдут.

– И что сделают? – с горечью спросила я, чувствуя в случившемся свою вину.

Если бы я задержалась, поговорила с ней хотя бы пять минут! Или, например, не пошла бы вообще, не стала дразнить и распалять... Лина разозлилась после моего визита. И вот теперь – «допускается ликвидация».

– А что она сделала с охранниками?

В тоне Берта не было ни сожаления, ни чувства вины. Скорее, наоборот: вызов. И посмотрел он при этом на меня, а не на Антуана, но ответил директор сам:

– Они живы, если ты об этом. Оглушены и унижены тем, что их побила девчонка, но сильно не пострадали.

Я с облегчением выдохнула, уже успев прочувствовать слова Маркуса о том, что Лина – это я. А я никогда не убила бы в подобной ситуации. По крайней мере, мне хотелось так думать, и поведение химеры это подтвердило.

– Уверена, она никому не желает зла. Просто напугана и жаждет свободы, – попыталась объяснить я ее поступок, как сама его чувствовала.

– Желает или нет, а теперь она беглый монстр, – хмуро заметил Берт.

– Да, и потому при задержании допускается ликвидация, – кивнул Антуан, поморщившись. – Но вот в чем дело: меня тошнит от мысли, что мы застрелим беременную женщину, кем бы она ни была. Поэтому... – Он протянул нам два переговорных устройства, какими пользовались охранники и безопасники. – Найдете ее первыми и уговорите сдаться и вернуться – спасете ей жизнь.

Мы с Бертом переглянулись. Ловить сбежавшие объекты – не наша работа. Мне показалось, что мой шеф и друг собирается озвучить это, и я поторопилась его опередить: схватила переговорное устройство.

– Тогда я пошла искать.

На ходу прикрепляя переговорное устройство к уху, я, ни на кого не глядя, быстро зашагала к лестнице, иногда переходя с интенсивного шага на бег. Логика подсказывала, что Лину стоит искать на нижних этажах. Здание штаб-квартиры стояло обособленно, поэтому крыша могла считаться абсолютной западней. А раз это знала я, значит, знала и она.

В эфире переговаривались мужские голоса. Одни докладывали о том, что проверили очередной «квадрат», другие сообщали, на каких камерах беглянку успели заметить. Судя по этим сообщениям, Лина двигалась довольно хаотично, иногда даже зачем-то все-таки поднимаясь, но я подозревала, что она просто пытается запутать следы. И ищет место, где можно спуститься вниз незамеченной.

– Ее только что видели на втором этаже, – недовольно проворчал рядом Берт.

Я не заметила, как он успел меня догнать. Берт все еще пытался зацепить переговорное устройство за ухо, но оно упрямо соскальзывало, заставляя его приглушенно ругаться.

– Я знаю, слышала. Но она пойдет вниз, на подземный этаж. Возможно, попытается найти вход в канализацию. Или выбраться на какой-нибудь машине...

Еще не закончив говорить, я остановилась, внезапно вспомнив о Маркусе. Нехорошее сомнение закралось в душу, но я пока не позволяла ему оформиться в полноценную мысль. Внутри что-то шептало: «Нет... нет... этого не может быть...» Но в памяти воскресали моменты, когда Маркус говорил о Лине с неподдельным участием. И как он вдруг решил поехать со мной, когда я отказалась похищать Лину из штаб-квартиры.

– Ты чего?

Вопрос Берта вывел меня из ступора, и я сорвалась с места, ничего не объясняя. Слишком много потребовалось бы объяснять. Берту ничего не оставалось, как молча последовать за мной.

На парковке было довольно пустынно, безопасники и охранники сюда пока не добрались. Только бесконечные ряды машин тянулись в разные стороны. По-прежнему ничего не объясняя Берту, я побежала к своему седану и... облегченно выдохнула, когда нашла его на том же месте, где и оставила.

Мое облегчение не продлилось долго. Я сразу поняла, что Маркуса в машине нет. Куда он мог деться?

Берт тронул меня за плечо и потянул в сторону, прикладывая палец к губам. Он явно что-то услышал, но его слух всегда был тоньше моего. Я разобрала звуки борьбы, когда мы почти приблизились к противоположной стене парковки.

Они оба были здесь: и Лина, и Маркус. Последний обхватил химеру поперек туловища, прижимая спиной к себе и пытаясь удержать. В то же время он

убеждал, что не причинит ей вреда.

– Лина, стой! – окликнула я, пытаюсь отвлечь, чтобы она перестала вырываться. Лина была действительно сильна: Маркус удерживал ее с трудом. – Послушай его!

Химера замерла, недоверчиво уставившись на меня вертикальными зрачками. Потом тревожно обернулась на Маркуса. Она выглядела как напуганный, загнанный в угол зверек, потерявший от страха рассудок, но мое присутствие как будто вернуло ей способность трезво мыслить.

– Мы тебе поможем, – тихо, но внушительно пообещал Маркус. – Мы все здесь, чтобы помочь.

У Лины вырвался глубокий нервный вздох, похожий на всхлип, и она окончательно успокоилась, обмякла в руках Маркуса, перестав сопротивляться и вырываться. Только тогда я услышала приглушенные звуки, которые издавал Берт. Обернулась на него: он беззвучно глотал ртом воздух, глядя то на меня, то на Маркуса, и нелепо размахивал руками.

– Что... Какого... Да чтоб мне провалиться! Что происходит? Как это возможно? – наконец сумел выдать он.

Я лишь неловко пожала плечами.

– Это короткий вариант моей длинной истории.

* * *

Антуан появлением живого и невредимого Маркуса был обескуражен не меньше, чем Берт. Я даже забеспокоилась за старика, все-таки здоровье у него уже не то. Когда прошел первый шок, он прижал руку к груди и, пошатнувшись, торопливо сел на стул в нашей любимой маленькой переговорной. Я налила ему воды.

Мы вернули Лину в палату, тревогу отменили. Берт помог незаметно провести Маркуса в наш офис и оставил ждать в переговорной, предварительно затемнив обычно прозрачные стены и дверь. Потом привел Антуана. Он тоже согласился,

что рассказывать сразу всем о Маркусе не стоит. Никому не хотелось, чтобы покушение повторилось так же оперативно, как были похищены материалы Рантор.

Маркус вкратце пересказал им ту же историю, что и мне. Объяснил про ритуал. Антуан, как казалось, слишком разволновался из-за воскрешения старого друга и почти все прослушал. Берт хмурился, но молчал до тех пор, пока Маркус не заметил, что с ритуалом нужно поторопиться.

– Я не понимаю, почему мы должны торопиться и подвергать опасности жизнь Нелл, – заявил он, упираясь руками в столешницу. – Фрай взялся рассчитать все подробнее. Давайте дадим ему время на изучение...

– Я уже много раз все изучал и просчитывал...

– Интересно, как? – Брови Берта удивленно скользнули вверх. – Ты же не маг.

Маркус только фыркнул.

– Нет ничего невозможного для человека с интеллектом. Это такие же формулы, их можно понять. Было бы желание. Количество базовой энергии, которое требуется Лине, Нелл вполне может пожертвовать без серьезных последствий для себя. Но только сейчас. Еще немного – и хамелеон начнет доминировать, умственные способности Лины начнут деградировать. Память, личность – все растворится, останется только лицо.

– А если так всем будет лучше? – осторожно предположил Антуан. – Она станет просто монстром. И мы сделаем то, что должны.

– Вы дадите погибнуть молодой, красивой, умной девушке... Почти матери? – Маркус недоверчиво посмотрел на них. – Разве так мы поступаем? Или что-то глобально изменилось в политике Корпуса за те два года, что меня не было? Она живая. Она дышит, думает, чувствует. Мы же не монстры! Где же ваша человечность и умение сострадать?

– Вижу, ты к ней по-настоящему привязан... – Берт одарил Маркуса еще одним недоверчивым взглядом. – С чего вдруг?

– Просто я наблюдал за ней издали целый год! – Маркус против обыкновения повысил голос. Я не могла припомнить, чтобы он хоть раз так делал за год нашей совместной работы. – И я вижу в ней человека. Человека, который гибнет. Не попытаться этому помешать – все равно, что убить самим.

– Я хотела бы попробовать ритуал, – вмешалась я, видя, что у Маркуса закончились аргументы. – Это ведь я рискую, так? Значит, мне и решать. Я хочу попробовать.

– Нет, решать мне. – Тон Берта тоже подскочил вверх. – Потому что я старший следователь и несу ответственность за твою жизнь.

– Тогда подумай о том, каково ей будет жить, зная, что она могла помочь второй себе и не сделала этого, – теперь в интонации Маркуса вернулась привычная мягкость. – Ты знаешь Нелл не хуже меня. И должен понимать, что чувство вины долго будет преследовать ее.

Наш так вовремя воскресший друг был абсолютно прав, и судя по тому, как поникли плечи Берта, он тоже это знал. Посмотрев на меня, тяжело вздохнул и неловким движением почесал пятерней затылок, перевел взгляд на Антуана. Тот так и сидел за столом – единственный из нас – вцепившись в уже пустой стакан.

– Мне кажется, надо попробовать, – резюмировал он. – В крайнем случае наш маг всегда сможет прервать ритуал, так?

Берту пришлось согласиться. И вот тогда я снова почувствовала холодок внутри. Как и все сотрудники корпуса, я регулярно сдавала кровь, но сейчас собиралась отдать нечто большее. Я собиралась отдать часть себя. От этой мысли дрожь пробегала по всему телу. Не от страха, нет. От возбуждения и попытки понять: кем мне после этого станет Лина?

Глава 9

Час спустя я захлопнула дверцу шкафчика, в котором теперь лежала моя одежда, и поймала в отражении маленького зеркала взгляд Берта. Он стоял в

нескольких шагах, по-прежнему недовольно хмурясь. На его лице ясно читалось намерение предпринять последнюю попытку отговорить меня, но друг пока молчал, не зная, с чего начать.

– У тебя большая семья? – спросила я, не оборачиваясь, продолжая смотреть на него в отражении.

Решимость на лице Берта сменилась удивлением.

– Почему ты спрашиваешь?

– У меня почти никого не осталось, – пояснила я, неловко скрещивая руки на груди и все-таки поворачиваясь.

В длинной просторной робе, под которой не было даже нижнего белья, я чувствовала себя не очень комфортно, хотя грубая плотная ткань прекрасно защищала от любых взглядов. Почему-то правила участия в ритуалах требовали такого облачения. Не знаю, действительно ли это как-то связано с движением потоков энергий, или магам просто нравится ставить нас в неловкое положение?

– Я поздний ребенок. И единственный. Отец умер полтора года назад. Маму недавно пришлось поселить в Доме Заботы, потому что ей требуется постоянная помощь. Она постепенно угасает и не всегда узнает меня, когда я ее навещаю. Ни у кого из родителей не было ни братьев, ни сестер, ни других браков, поэтому ни теток, ни дядьев, ни кузенов, ни сводных родственников нет.

Берт с пониманием кивнул, засовывая руки в карманы форменных брюк и делая неторопливый шаг вперед. В небольшой раздевалке на два десятка шкафчиков и с одной скамьей в центре он сразу оказался почти рядом со мной.

– Лина тебе не сестра.

– Я понимаю.

– Она даже не человек...

– Генетически – нет. Но так ли это важно? Если сможем подавить в ней хамелеона, то что останется?

Я пытливо смотрела на друга, надеясь, что он даст тот же ответ, к которому пришла я, когда обдумывала ситуацию. Мне хотелось верить, что мой вывод логичен, а не продиктован эмоциями.

Берт отвел взгляд и досадливо вздохнул.

– Останешься ты. Твои воспоминания, личность и характер.

– Вот именно.

В отличие от него я вздохнула с облегчением.

– Разве это не пугает тебя? – Он снова поймал мой взгляд. – Не холодит внутренности мысль, что она – копия тебя? А если ритуал исправит ее глаза и сделает неотличимой? Не боишься, что, получив свободу, Лина однажды... попытается занять твое место? Ведь ритуалом ты хочешь добиться для нее свободы?

– Мы уже не идентичны, – возразила я. – Последние два года слишком сильно отличались. Настолько разный опыт делает разными и нас.

– Уверена, что она не сможет при желании изобразить тебя?

– Зачем? – Я с улыбкой пожала плечами. – Мне бы в голову не пришло так поступить. Почему должна она?

– Сама же сказала: вы уже не идентичны.

– Подловил. Ладно, если так переживаешь, давай придумаем какой-нибудь код, который будем знать только мы. Пароль и отклик.

Он хмыкнул, криво улыбнувшись. Понял, что я не всерьез, но за предложение ухватился.

– Если когда-то засомневаюсь в тебе, спрошу: «Где ты взяла мачете?»

Несмотря на тревожное состояние я рассмеялась в голос. Однажды во время расследования на нас напали живые лианы, иначе назвать невозможно. У меня при себе оказалось мачете, им мы и отбились. Берта этот факт поразил до глубины души.

– Но Лина ведь тоже знает, что его подарил университетский друг, – возразила я, отсмеявшись. – Не подходит.

– Подходит, если сейчас договоримся, что правильный ответ, например: «В сувенирной лавке купила».

Берт улыбался, но взгляд его оставался серьезным, поэтому я не стала комментировать. Просто кивнула, давая понять, что запомнила. Все равно не пригодится.

Он хотел сказать что-то еще, но деликатное покашливание остановило его и заставило обернуться. В дверном проеме стоял Маркус. Мне показалось, что в его взгляде промелькнуло нечто похожее на ревность.

– Я не помешал?

Видимо, Берт тоже почувствовал что-то такое, потому что поспешно отступил, увеличивая расстояние между нами.

– Уже все готово? – вместо ответа спросил он.

Маркус неопределенно мотнул головой.

– Почти, но не совсем. Я просто хотел поговорить с Нелл перед ритуалом.

– Тогда оставляю вас, – предложил Берт, бросая на меня последний взгляд. – Мы сказали друг другу все, что могли.

Маркус закрыл за ним дверь, улыбнулся и подошел ближе.

– Как настрой? Не боишься?

– Шутишь? – Я вытянула перед собой руку с раскрытой ладонью. Она ходила ходуном, словно накануне я сильно перебрала. – Я в ужасе.

Он внезапно сжал мою ладонь в обеих руках. От его прикосновения сердце подпрыгнуло к горлу, потом упало в живот и затрепыхалось там как сумасшедшее.

– Но все равно сделаешь это, – тихо констатировал Маркус. – Ты совсем не изменилась. Все такая же решительная. Глаза боятся – руки делают. Мне всегда нравился твой подход к работе.

Я наверняка покраснела как школьница на первом свидании. Он стоял рядом, держал за руку и в его взгляде я наконец видела то, что когда-то отчаянно хотела увидеть. И не только. Два года назад я мечтала лишь о проблеске интереса, а теперь получила нечто большее. Нечто завораживающее, головокружительное, от чего пересыхало во рту и становилось трудно дышать. Оно пугало, потому что казалось темным и немного порочным. Это выбивалось из образа Маркуса, каким я его знала, но будь я проклята всеми магами Свободных земель, если мне не нравилось. Оно интриговало и влекло к нему еще сильнее.

– Жаль, что ты мне никогда об этом не говорил. Раньше.

Голос прозвучал хрипло, с головой выдавая все, что я чувствовала, но мне было наплевать. Я не решилась на откровенный разговор тогда, а сейчас мне давали второй шанс, и я не собиралась его упускать.

Маркус опустил взгляд в пол, его руки сжали мою ладонь сильнее.

– Я тоже о многом жалею, Нелл, – признался он, не глядя на меня. – Но я надеюсь, что у нас еще будет возможность сказать друг другу все самое важное.

Других сигналов и намеков не требовалось. По всему телу расплылось тепло радостное предвкушение. Мыслей в голове не осталось. Ни одной. Ушел страх, ушли последние сомнения. Даже руки дрожать перестали.

Но казалось, что надо как-то ответить, поэтому я задала первый пришедший в голову вопрос:

– В тот вечер ты хотел мне что-то сказать, или мне показалось?

– В какой вечер? – напряженно уточнил Маркус, снова поднимая на меня взгляд.

– Когда мы виделись в последний раз, помнишь? Я задержалась до ночи и зашла на кухню выпить кофе, пока ждала такси. Ты был там и приготовил мне чай, – напредила я. – Ты выглядел разбитым, все смотрел на меня и как будто что-то хотел сказать. Но так и не сказал...

– Я... – начал Маркус неуверенно и замолчал. Вздохнул, улыбулся. – Не помню, если честно. Я уже знал о проекте «Ангел». Наверное, хотел сказать об этом, но побоялся, что подвергну твою жизнь опасности.

Я не ожидала такого ответа, не понимала, как он мог забыть тот вечер. Очарование текущего момента развеялось, в голове закрутились шестеренки, заставляя шевелиться и мозги. Разумная часть пыталась задавать вопросы, но влюбленная девчонка искала не ответы, а оправдания.

«Его через неделю пытались убить, – твердила она. – И потом случилось еще много всего, он не обязан помнить подобные мелочи».

Но его растерянность выглядела странно.

– Я плохо помню, что хотел тогда сказать, – внезапно прервал мои размышления Маркус. – Но точно знаю, что мне давно хочется сделать.

Я не успела осознать происходящее, как его губы накрыли мои. Мысли вновь предательски разбежались, оставив мне только ощущения, от которых кружилась голова.

Поцелуй был прерван так же внезапно, как и начался. Я даже не смогла толком ответить на него, поэтому теперь смотрела на Маркуса с легким недоумением.

– Пора идти, Нелл, – мягко напомнил он, улыбнувшись. – Когда все кончится, мы обязательно продолжим этот разговор.

Я лишь судорожно вздохнула, молча кивнула и позволила потянуть себя за руку к выходу из раздевалки.

В ритуальный зал мы вошли, все еще держась за руки. В небольшом помещении, отличавшемся от обычного офиса или лаборатории разве что отсутствием окон и мебели, установили два ложа. На одном из них молодой маг фиксировал безучастную ко всему происходящему Лину. Я подозревала, что ей дали успокоительное, потому что она с трудом держала глаза открытыми и совершенно не сопротивлялась, когда руки и ноги опутывали широкими крепкими лентами. Маги всегда настаивали на фиксирующих повязках, чтобы гарантировать неподвижность объектов во время ритуала и при этом не тратить силы на соответствующие заклятия.

Второе ложе предназначалось мне. Я непроизвольно крепче сжала руку Маркуса и оглянулась на прозрачную часть одной из стен. Оттуда за нами наблюдали Антуан и Берт. Вскоре к ним предстояло присоединиться и моему бывшему шефу, поскольку во время ритуала никто посторонний не мог находиться в зале.

Маг как раз закончил фиксировать Лину и повернулся ко мне, предлагая занять свое место. Я кивнула, выпуская руку Маркуса, но позволила себе сначала подойти к ложу химеры и успокаивающе погладить ее по голове.

– Все будет хорошо, – пообещала я, ловя ее расфокусированный взгляд. – Вот увидишь, тебе станет лучше.

Она устало прикрыла глаза, но на губах появилась едва заметная улыбка.

Я легла на холодное и твердое ложе, с каждой секундой нервничая сильнее. Все-таки неприятно, когда тебя связывают.

– Маркус, думаю, тебе пора присоединиться к нам. – Послышался через динамик голос Антуана.

– Да, конечно.

Он последний раз ободряюще улыбнулся, не торопясь уйти. Скопил глаза на мои уже зафиксированные руки, а потом вернулся к лицу. В его взгляде вновь промелькнуло что-то незнакомое, темное.

– И дверь за собой закройте, – равнодушно попросил маг, не обращая на Маркуса никакого внимания. Антуан специально позвал недавно работающего в Корпусе. Того, кто не знал «погибшего» два года назад следователя.

Через динамики раздался резкий звук стремительно распахнувшейся двери и взволнованный голос Антуана:

– Маль, тебе сюда нельзя!

Я снова повернула голову, чтобы посмотреть на происходящее за стеклом.

– Рантор убила не Ангелина, – с порога заявила Маль, игнорируя возглас директора. Она возбужденно помахала какой-то бумажкой и протянула ему, даже не глядя в сторону ритуального зала. – Готовы результаты анализа ДНК. Рантор действительно убила химера, но она не имеет общих генов с Ангелиной.

– Другая химера? – недоверчиво уточнил Берт.

Маль кивнула, а маг как раз зафиксировал мою вторую ногу и поднял голову.

– Почему вы до сих пор здесь?

Я поняла, что вопрос обращен к Маркусу, хотя уже не могла его увидеть. Зато я услышала, как где-то за пределами зала встревоженно выкрикнул Фрай:

– Остановите ритуал! Его нельзя проводить!

А дальше все случилось слишком быстро. На лице молодого мага, застывшего на мгновение, промелькнула растерянность. Воспользовавшись его замешательством, Маркус бросился на него, нанеся несколько быстрых мощных ударов. Послышался неприятный хруст, маг упал на пол и уже не встал.

Маркус метнулся обратно. Захлопнулась дверь, а потом раздался еще какой-то непонятный звук. Как будто что-то сломалось. Я дернулась, пытаюсь приподняться на ложе, но фиксаторы держали крепко, лишая меня возможности увидеть, что происходит.

* * *

– Маркус, что ты делаешь?! – Голос Антуана прозвучал непривычно и неестественно. Слишком встревоженно, слишком надломленно. Я никогда не слышала у него подобного тона.

Но, с другой стороны, и подобной ситуации у нас еще не складывалось. Я в одну секунду оказалась где-то за гранью паники, где кричать и протестовать нет ни сил, ни желания. Лишь бестолково дергала руками, пытаюсь освободиться от фиксирующих повязок, но затягивая их только сильнее.

– Маркус! – снова окликнул Антуан, поскольку тот не отозвался. Я не видела, что он делает.

– Это не Маркус, – мрачно возразил Берт. – Неужели ты еще не понял? Он и есть вторая химера.

Мозг не желал воспринимать это утверждение. На соседнем ложе зашевелилась Лина. Она быстро моргала и тоже дергала руками и ногами, пытаюсь освободиться.

– Что происходит? – с трудом шевеля языком, спросил она, выгибаясь и ища взглядом Маркуса.

На ее вопрос он откликнулся: подошел ближе, успокаивающе погладил сначала по плечу, потом по голове.

– Тише, лежи. Скоро все будет хорошо. Я помогу тебе, как и обещал.

В его руке появились три мятые бумажки: распечатки схемы ритуала.

– Что ты собираешься сделать?

Я сама не знала, как смогла не только сформулировать вопрос, но и озвучить. В голове по-прежнему царил хаос, в горле резко пересохло, а язык казался чужим.

– Разве непонятно? – Маркус поднял на меня равнодушный взгляд. – Провести ритуал.

– Но ты не маг...

Я осеклась, заметив, что между большим пальцем и бумажками у него в руке зажат еще и мел. Вот, что он делал, пока оставался вне поля моего зрения: вычерчивал на полу направляющие для потоков. Одаренные маги обычно выжигали их голыми руками, а потом так же легко стирали. Обученным приходилось использовать подручные средства. Обычный мелок, каким играли дети, работал особенно хорошо.

Маркус мягко улыбнулся. Это была настолько «его» улыбка, что у меня от ее несоответствия происходящему закружилась голова.

– Нет ничего невозможного для человека с интеллектом, Нелл, – прозвучала его любимая присказка. – Особенно когда у тебя вдруг образовывается масса свободного времени.

Он быстро поцеловал Лину в лоб и торопливо продолжил чертить направляющие. Я беспомощно посмотрела на коллег, наблюдающих за нами через стекло, встретила взглядом с шокированной Маль: та ничего не знала о «воскрешении» Маркуса, поэтому теперь просто взирала на происходящее в ритуальном зале, приоткрыв рот. Антуан застыл у стекла, прижав к гладкой поверхности ладони, глядя больше на Маркуса, чем на меня. Берт кому-то звонил, нервно расхаживая из стороны в сторону.

Снова распахнулась дверь, и в комнату за стеклом ворвался Фрай. Мое сердце на мгновение ускорило ритм, внутри всколыхнулась надежда, ведь он наверняка мог что-нибудь сделать! Я не знала, как именно Маркус заблокировал дверь, но должен же быть способ разбить это проклятое стекло?

И только через секунду вспомнила о мощных защитных заклетиях, наложенных на ритуальные залы. Их накладывали в основном для того, чтобы в случае неудачи разрушительная энергия не вырвалась вовне, но обратной стороной медали становилось то, что никто и ничто не могло проникнуть внутрь.

Фрай на секунду растерялся, увидев Маркуса. Поэтому Антуан и не пригласил его проводить ритуал: они были знакомы. Однако маг быстро справился с шоком и шагнул ближе к стеклу.

– Кем бы ты ни был, я призываю тебя остановиться!

Порой он и его собраты начинали говорить очень странно, даже в такой ситуации я не могла не отметить это.

Маркус проигнорировал призыв. Он как раз выпрямился, закончив со схемой направляющих, отбросил в сторону мелок и принялся ходить вокруг нас с Линой, читая нараспев слова тайного языка и раскручивая воронку потоков.

По телу прокатилось неприятное покалывание, заставившее меня поморщиться. Лина тоже дернулась, скривившись.

– Послушайте, вы не понимаете последствий! – не сдавался Фрай. – Ваш ритуал убьет Нелл!

Маркус сбился, замер на месте, как раз напротив стеклянной стены, посмотрел на Фрая.

– Я не собираюсь брать всю ее базовую энергию, – возразил он. – Я все рассчитал. Она не пострадает. Не серьезно.

– Вы рассчитали, да, – согласился Фрай, заметно нервничая. – Я видел расчеты. Но я произвел свои и понял, что вы кое-чего не учли. Ребенка. Плод уже слишком большой, он будет тянуть базовую энергию наравне с матерью. Нелл не хватит на двоих.

Маркус упрямо покачал головой.

– Нет, все должно получиться...

– Вы ошибаетесь! – Фрай грозно повысил голос. Сейчас его внешность почему-то не казалась мне забавной. – Продолжите ритуал – Нелл погибнет.

Маркус нерешительно обернулся на меня, перевел взгляд на Лину и снова повернулся к стеклу.

– А если я его не проведу, погибнет Лина. Чем она хуже?

Не дожидаясь ничьего ответа, он продолжил движение по кругу, читая нараспев слова заклинания.

Покалывание усилилось, растеклось по телу и превратилось в могильный холод. В каждой мышце появилось неприятное тянущее ощущение, похожее на сильную физическую усталость, которое вскоре обрело направление: тысячи веревочек тянули вверх. Мир закружился. На смену холоду пришел жар, но коснулся только кожи, внутри я продолжала остывать.

– Маркус, остановись! – снова подал голос Антуан, но мне он показался невозможно далеким. – Не делай этого. Мы найдем другой способ. Способ помочь им обеим.

Я снова повернула голову, пытаюсь поймать взгляд Маркуса. В глубине души у меня оставалась надежда, что он прекратит, если увидит, как мне плохо, как мне больно.

Но он избегал моего взгляда: смотрел прямо перед собой, в распечатку со схемой ритуала. Его лицо было спокойно, по крайней мере, казалось таким.

А вот Лине спокойствия не доставало. Она продолжала дергать руками, как будто все еще пыталась освободиться.

– Маркус... – позвала она, и по ее голосу я поняла, что неприятные ощущения испытываем мы обе. – Прекрати... не надо...

Я перевела взгляд на нее, а она как раз посмотрела на меня. В то же мгновение мне словно вонзили крюк в районе солнечного сплетения и потянули за него вверх. Я выгнулась, непроизвольно вскрикнув от резкой боли. Жар сосредоточился в одной точке. Теперь казалось, что мне на грудь высыпали ведро горячих углей. Я снова дернулась, иррационально пытаюсь скинуть их с себя, хоть и понимала, что это иллюзия.

– Маркус! – вновь жалобно позвала Лина, но он так и не ответил. Лишь начал читать слова заклинания немного громче.

Я снова повернулась к Лине, находя слабое утешение в том, что хотя бы в ней не ошиблась. На ее лице отражалось страдание и... сострадание. Химере явно не нравилось происходящее, она бы остановила Маркуса, если бы могла.

Наши взгляды снова пересеклись, и болезненное выражение на лице моего двойника сменилось яростью. Почти такой же, как и утром, когда она била кулаками дверь палаты. Сейчас ее пальцы тоже сжались в кулаки, она напрягла мышцы плеч и потянула руки вверх, зарывав от напряжения.

– Лина, стой!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Купить: https://tellnovel.com/ru/obuhova_lena/monstr

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)